

21 век. Библиотека школьника

В. Гюго

Собор
Парижской
Богородицы

21 век. Библиотека школьника

Виктор Мари Гюго

**Собор Парижской Богоматери
(адаптированный пересказ)**

«Автор»

2016

УДК 821
ББК 84(4)

Гюго В.

Собор Парижской Богоматери (адаптированный пересказ) /
В. Гюго — «Автор», 2016 — (21 век. Библиотека школьника)

ISBN 5-17-027530-7

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам. В книгу вошел самый известный роман классика французской литературы Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери».

УДК 821
ББК 84(4)

ISBN 5-17-027530-7

© Гюго В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

1. Большая зала	6
2. Пьер Гренгуар	9
3. Кардинал Бурбонский	12
4. Мэтр Жак Копеноль	14
5. Квазимодо	17
6. Эсмеральда	18
7. Бегство от праздника	19
8. Развенчанный папа	20
9. Феб де Шатопер	23
10. Воскрешение Гренгуара	25
11. Разбитая кружка	26
12. Брачная ночь	30
13. Полеты во сне	34
14. Добрые души	35
15. Клод Фролло	37
16. Душа собора	39
17. Собака и ее господин	41
18. Чернокнижник	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктор Гюго

Собор Парижской Богоматери

© Родин И. О., текст, 2016

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

* * *

Однажды, осматривая Собор Парижской Богоматери, я обнаружил в темном закоулке одной из башен написанное на стене по-гречески слово «рок». Буквы почти стерлись от времени, но мрачный смысл надписи произвел на меня глубокое впечатление.

– Чья страждущая душа оставила на камне древней церкви этот след? Чье преступление или несчастье увековечено здесь? – пробормотал я вполголоса и погрузился в глубокую задумчивость.

Фантазия уносила меня во времена мрачного средневековья. Собор оживал, его наполнили тени давно умерших людей, которые боролись, мыслили и страдали в этих стенах. События минувших веков проносились у меня перед глазами, завораживая и увлекая за собой. Герои обретали имена и внешний облик, встречались и расставались, любили и проклинали друг друга. Так в полумраке величественного здания стали вырисовываться очертания моего будущего романа.

Позже эту стену не то выскоблили, не то покрасили, и надпись исчезла. Ничего не осталось от таинственного слова, высеченного на стене башни, – ничего, кроме хрупкого воспоминания, которое легло в основу этой книги...

1. Большая зала

6 января 1482 года в Париже проходили народные гулянья, объединявшие праздник Крещения Господня с древним языческим праздником шутов. По традиции, в этот день в здании Дворца правосудия представляли мистерию, на Гревской площади зажигали потешные огни, а у Бракской часовни торжественно сажали дерево, которое горожане украшали яркими лентами, – своего рода прообраз рождественской елки. С раннего утра толпы горожан потянулись к этим местам. Больше всего народу собралось вокруг Дворца правосудия.

Два дня назад в Париж прибыли послы герцогства Фландрия, уполномоченные заключить брак между своей принцессой Маргаритой и французским наследником престола, юным дофином. Кардинал Бурбонский принимал иностранных бургомистров и других почетных горожан у себя во дворце. По заказу его высокопреосвященства к прибытию послов была написана пьеса с участием персонажей из Библии, а также древнеримских богов – мистерия – на тему предстоящего бракосочетания августейших особ. Кардинал и его гости собирались смотреть ее представление в большой зале Дворца правосудия, после чего там же должно было состояться избрание лучшего, самого смешного комедианта Парижа – шутовского папы.

Нелегко было пробраться в этот день в большую залу, которая в те времена считалась самым просторным закрытым помещением в мире. В цент ре фасада Дворца находилась главная лестница, по которой непрерывно поднимались и спускались люди. Обширная площадь перед зданием была сплошь запружена народом.

Помимо тех счастливцев, кому удалось проникнуть внутрь здания и кто намеревался смотреть собственно представление мистерии, тысячи благодушных горожан спокойно глазели на Дворец из дверей и окон окрестных домов. Многие разместились прямо на крышах. Им вполне достаточно было зрелища самих зрителей.

Дворец правосудия представлял собой величественное здание, которое давало человеку в полной мере почувствовать собственное ничтожество. Внутреннее убранство большой залы было роскошным. Поверху шел двойной стрельчатый свод, отделанный деревянной резьбой и расписанный золотыми лилиями на лазурном фоне. Вдоль залы возвышались семь огромных столбов. Вокруг первых четырех помещались лавочки мелких торговцев, в которых продавались стеклянные изделия и мишура. Вокруг трех следующих колонн располагались истертые дубовые скамьи. Вдоль высоких стен залы, между дверями, окнами и столбами, шла длинная вереница изваяний. Это были правители Франции с древнейших времен до середины пятнадцатого века, причем рука скульптора отразила в камне характер каждого из монархов. Среди них попадались короли нерадивые, опустившие руки, и правители доблестные и воинственные, смело поднявшие головы к небесам. В высоких стрельчатых окнах блестели разноцветные стекла, в широких дверных нишах возвышались роскошные, тончайшей резьбы двери. Своды, столбы, стены, двери и изваяния сверху донизу были расписаны яркой голубой и золотой краской.

Один конец гигантской залы был занят мраморным столом такой длины, ширины и толщины, что на нем вполне можно было бы выстроить всю королевскую гвардию в конном строю. У противоположной стены стояла небольшая часовня, внутри которой находилась сделанная по приказанию Людовика XI статуя, изображавшая коленапреклоненного короля перед девой Марией.

Посреди залы, напротив главных дверей, было воздвигнуто прилежавшее к стене возвышение, обтянутое золотой парчой. Оно предназначалось для кардинала, послов Фландрии и других знатных особ, приглашенных на мистерию. На возвышение вел отдельный вход.

По традиции, представление должно было состояться прямо на гигантском мраморном столе. На нем возвышалась деревянная клетка, сплошной верх которой служил сценой, а внут-

ренная часть, задрапированная коврами, – раздевалкой для актеров. Приставленная снаружи лестница соединяла раздевалку со сценой.

Представление мистерии должно было начаться в полдень, однако толпа зрителей дожидалась представления с самого утра. Ясно было, что все желающие в залу, как бы велика она ни была, не поместятся, а стало быть приходилось заранее занимать места. Давка, скука, усталость от долгого бездействия измучили людей, и они дали волю зубоскальству. Особенно выделялась группа веселых школяров, как называли парижане юных студентов Университета. Молодые люди расселись на высоких подоконниках и оттуда бросали остроумные замечания по адресу почтенных горожан.

– Эй, Жеан Фролло! – крикнул один из школяров, обращаясь к белокурому сорванцу с лукавой физиономией.

Жеан Фролло обернулся.

– Не зря тебя прозвали Жеан Мельник! – продолжал первый. – У тебя руки и ноги – точь-в-точь, четыре крыла ветряной мельницы!

– Посмотри на свои! – не остался в долгу Жеан. – Больше похожи на два коромысла!

Школяры дружно расхохотались.

– Давно пришел, Жеан? – спросил первый.

– Торчу тут уже четыре часа! – звонким голосом ответил белокурый. – Надеюсь, они зачтутся мне в чистилище!

– Совсем распустились! – недовольно заметил один из зрителей. – Никакого почтения к представлению серьезной вещи!

– Погляди-ка, Жеан! – тут же отреагировал первый школяр. – Кто там ухает внизу?

– Я знаю этого филина, – отозвался белокурый. – Это Андри Мюнье, библиотекарь Университета.

– Один из четырех библиотекарей! – уточнил первый школяр.

– В нашей лавчонке всякой дряни по четыре штуки, – крикнул третий. – Четыре факультета, четыре праздника, четыре эконома, четыре попечителя и четыре библиотекаря!

– Мюнье, мы сожжем твои книги! – крикнул Жеан.

– Мюнье, мы вздуем твоего слугу! – подхватили его приятели.

– Мюнье, мы потискаем твою жену!

– Славная толстушка госпожа Ударда!

– Свежа и весела, точно уже овдовела!

– Черт! – прорычал Андри Мюнье. – Никакой на них управы нет!

Толпа зрителей стояла так плотно, что библиотекарь не мог выбраться из нее или хотя бы перейти на другое место. Ему приходилось сносить насмешки школяров, а заодно и любопытные взгляды тарасившихся на него соседей.

– Долой библиотекарей! – раздался призыв с подоконника.

– Долой экономов!

– Долой ректора и попечителей!

– Безобразие! – возмутился Андри, затыкая уши.

В этот момент кто-то из школяров, облепивших подоконник, заметил, что ректор и несколько преподавателей торжественно шествуют по площади навстречу послам Фландрии. В обязанности университетских сановников входило встретить высоких иностранных гостей и произнести перед ними приветственные речи. Студенты приветствовали свое начальство язвительными насмешками и ироническими рукоплесканиями. Ректору, который шел впереди, пришлось первым принять удар на себя.

– Добрый день, господин ректор! – закричал Жеан, высунувшись из окна по пояс.

– Как сюда забрел наш старый игрок? – присоединился к Жеану его приятель. – Сколько народу сегодня обобрали, монсеньор?

– Да нет! Что-то уж больно невесел! Наверное, проигрался в пух и прах!

– Сейчас начнет одалживать деньги!

– Свои уже не дают в долг, да, господин ректор? Придется обратиться к иностранцам!

Ректор в сопровождении своей свиты скрылся за воротами. Жеан и его приятели с сожалением повернулись к мраморному столу большой залы Дворца правосудия.

Пробило двенадцать. Пора было начинать представление. Однако на возвышении никто не появлялся. Зрители прождали минуту, пять, четверть часа. Помост пустовал, сцена безмолвствовала.

Первым выказал свое недовольство Жеан Фролло.

– Мистерию! – во всю глотку закричал он.

Толпа тотчас оживилась.

– Долой послов! Даешь представление! Начинайте! – послышались угрожающие возгласы.

Те зрители, кто стоял ближе всех к сцене, принялись что было сил колошматить по деревянным стенкам клетки. Актеры в раздевалке замерли от страха. Они знали капризный нрав парижского простонародья, гнев которого готов был с минуты на минуту обрушиться на головы ни в чем не повинных лицедеев.

В этот критический момент над входом в раздевалку приподнялся ковер, и оттуда появился бледный человек в бело-желтом костюме. Необычное одеяние сразу привлекло к себе внимание собравшихся.

– Тише! Тише! – послышались голоса, и в зале воцарилось молчание.

Актер, дрожа всем телом, отвечивая бесчисленные поклоны, неуверенно двинулся к краю мраморного стола.

– Господа горожане! – произнес он. – Нам предстоит высокая честь представлять в присутствии его высокопреосвященства господина кардинала пьесу под названием «Праведный суд Пречистой девы Марии». Я буду изображать Юпитера.

– Ура! – некстати закричали из задних рядов.

– Его преосвященство, как вам известно, сопровождает посольство герцога Фландрии, – бодрым голосом продолжал Юпитер. – Господа послы немного замешкалось. Они слушают сейчас у ворот Боду приветственную речь ректора Университета. Как только они придут, мы немедленно начнем представление.

2. Пьер Гренгуар

Пока актер держал торжественную речь, всеобщее удовольствие и восхищение, возбужденные его костюмом, постепенно рассеялись. Последняя фраза потонула в буре гиканья и свиста.

– Немедленно начинайте мистерию! К черту послов!

Актер растерялся. Как поступить, он не знал. Надо было принять какое-то решение, а этого ему совсем не хотелось. В глубине души лицедей не сомневался, что его повесят, – или зрители, если он заставит их ждать, или кардинал, если представление начнется в его отсутствие.

Пока незадачливый Юпитер переминался с ноги на ногу, к сцене боком протиснулся высокий, худой, светловолосый молодой человек. Его черный саржевый камзол потерялся и залоснился от времени. Он встал на цыпочки у края мраморного стола и махнул актеру рукой.

– Мишель Жиборн! – позвал человек.

– Да, господин Гренгуар! – обернулся к нему Юпитер.

– Начинайте! – скомандовал тот. – Придется удовлетворить требование народа. Я постараюсь убедить судью, что иного выхода у нас не было, а тот, я надеюсь, договорится с кардиналом.

Актер облегченно вздохнул и, широко раскинув руки в стороны, повернулся к толпе.

– Господа горожане! – крикнул он во весь голос. – По вашим многочисленным просьбам, представление начинается!

– Ура! – закричали в толпе.

Господин Гренгуар, сделав столь своевременное распоряжение, стал потихоньку пробираться подальше от сцены. Он встал у колонны и оперся о ее гладкую поверхность спиной. Отсюда прекрасно просматривался и мраморный стол и ряды зрителей. Очевидно, Гренгуар хотел понаблюдать за реакцией горожан на представление.

В первом ряду сидели две хорошенькие молодые женщины. Они принялись шептаться, выразительно поглядывая на молодого человека.

– Скажи, Жискетта, – проговорила первая, – кто это такой?

– Не знаю, Лиенарда, – пожала плечами вторая. – Может, королевский пристав? Вроде, похож.

– Мессир! – окликнула молодого человека Лиенарда.

– Что вам угодно, сударыни? – учтиво спросил тот.

– Скажите, – обратилась к нему Жискета, притворно потупив глазки. – Вам знаком человек, который будет играть роль Пречистой девы?

– Вы хотели сказать – роль Юпитера?

– Да, да! – закивала Лиенарда. – Какая ты дурочка, Жискетта! Так вы знакомы с Юпитером!

– Да, сударыни.

– Какая у него потрясающая борода! – заметила Лиенарда.

– А что они будут сегодня представлять? – застенчиво поинтересовалась Жискета.

– Великолепную вещь, можно сказать, шедевр, – не задумываясь, ответил Гренгуар и слегка поклонился. – Автор этой мистерии – я, сударыни!

– Что вы говорите! – ахнули изумленные красавицы. – Не может быть!

– Да-да, – приосанившись, продолжал молодой человек. – Меня зовут Пьер Гренгуар, я поэт и драматург.

– Надо же, – вздохнула Жискетта, восхищенно глядя на своего собеседника.

В этот момент из деревянной клетки слышались звуки музыки, и любопытные девушки повернулись к мраморному столу. Ковер отодвинулся в сторону, и из-за раздевалки появились четыре густо накумаренные, пестро одетые фигуры. Вскрабавшись по крутой лестнице на верхнюю площадку, они выстроились перед зрителями в ряд и отвесили по низкому поклону. Оркестр умолк. Мистерия началась.

Воцарилось благоговейное молчание, и четыре действующих лица начали громко и торжественно декламировать пролог. Надо сказать, что публику больше развлекали не исполняемые роли, а костюмы лицедеев. Все четверо были одеты в желто-белые балахоны. Одежда первого актера была сшита из золотой и серебряной парчи, второго – из шелка, третьего – из шерсти, четвертого – из грубого домотканого полотна. Первый держал в правой руке шпагу, второй – два золотых ключа, третий – весы, четвертый – лопату. Чтобы помочь тугодумам, которые не понимали назначения и смысла этих атрибутов, на подоле парчового одеяния большими черными буквами было вышито слово «Дворянство», на подоле шелкового – «Духовенство», на подоле шерстяного – «Купечество», на подоле льняного – «Крестьянство».

Краткое содержание пролога сводилось к тому, что Крестьянство состояло в браке с Купечеством, а Духовенство – с Дворянством. Обе счастливые четы сообща владели прекрасным золотым дельфином, которого они решили присудить самой красивой женщине на свете. В образе дельфина прослеживался недвусмысленный намек на французского дофина, что также подчеркивалось созвучием слов. Четыре аллегорические фигуры отправились странствовать по свету. Отвергнув королеву Голконды, принцессу Трапезунда, дочь великого хана татарского и других высокопоставленных красавиц, Крестьянство, Духовенство, Дворянство и Купечество забрели на мраморный стол Дворца правосудия и остановились отдохнуть. Все их передвижения сопровождалась декламацией. В стихах содержалось такое количество сложных афоризмов, софизмов, эпитетов и поэтических фигур, сколько не полагалось отвечать даже при сдаче экзамена на получение ученой степени на словесном факультете.

Только один человек среди многотысячной толпы зрителей был способен в полной мере оценить достоинства этого мудрого сочинения – его автор, Пьер Гренгуар. Он стоял у колонны возле Лиенарды и Жискетты, вслушивался в музыку собственной поэзии, кивал в такт и бесшумно, одними губами, повторял за актерами строки, которые считал бессмертными.

Однако блаженство первых минут представления было вскоре нарушено. Какой-то оборванец никак не мог найти место, чтобы сесть и просить милостыню, поскольку в зале действительно яблоку было негде упасть. Кончилось тем, что нищий пролез к самой сцене и прилепился на краю огромного мраморного стола.

Пока оборванец молчал, действие пролога развивалось свободно и непринужденно. Однако, на беду, наглого нищего заметил школяр Жан Фролло. Юный озорник, не заботясь о том, что прерывает представление и нарушает всеобщую сосредоточенность, задорно захохотал.

– Поглядите на этого хилияка! – крикнул Жан. – Он просит милостыню! И не где-нибудь! На столе Дворца правосудия!

Пролог оборвался на полуслове. Головы зрителей повернулись к нищему. Тот, несколько не смутившись и радуясь подходящему случаю собрать урожай, прикрыл глаза и закачался из стороны в сторону.

– Подайте, Христа ради! – со скорбным выражением на лице затаил он.

– Да ведь это Клопен Труильфу! – крикнул Жан. – Эй, Клопен! Видно, рана на ноге здорово тебе мешала, коли ты перенес ее на руку?

Оборванец и бровью не повел. Толпа принялась весело рукоплескать дуэту крикливого школяра и невозмутимого нищего. Гренгуар был очень недоволен. Удостоив обоих нарушителей тишины презрительным взглядом, поэт повернулся к актерам.

– Продолжайте, черт возьми! – раздраженно бросил он. – Продолжайте!

В эту минуту Гренгуар почувствовал, что кто-то тянет его за полу камзола. Он досадливо обернулся, однако тут же забыл о своем плохом настроении и широко улыбнулся. Привлечь внимание молодого человека старалась очаровательная Жискетта.

– Сударь! – спросила девушка. – Они, что, будут продолжать?

– Конечно, – слегка задетый подобным во просом, ответил Гренгуар.

– В таком случае, – попросила Жискетта, – будьте добры, объясните мне...

– То, что они будут говорить? – услужливо подхватил Гренгуар. – Извольте. Итак...

– Да нет же, – досадливо возразила Жискетта, – объясните то, что они говорили до сих пор. Я ничего не слушала.

Гренгуар так и подскочил на месте, словно человек, которого грубо ткнули прямо в открытую рану.

– Черт бы побрал эту дуру набитую! – пробормотал он сквозь зубы.

С этой минуты прелестная Жискетта перестала существовать для молодого человека.

Актеры опять принялись декламировать, а публика – слушать. Четыре действующих лица объехали все части света и очень устали в ходе безнадежных поисков самой красивой женщины мира. Дворянство, Духовенство, Купечество и Крестьянство снова присели отдохнуть и произнесли похвальное слово чудо-дельфину, в котором было множество деликатных намеков на юного французского принца, жениха Маргариты Фландрской. Дельфин был молод, прекрасен, могуч, а главное, он оказался сыном льва Франции.

Очевидная биологическая нестыковка и натянутость данного утверждения никого из присутствующих не смутила. В зале наконец-то воцарилась полная тишина. Зрители не сводили глаз со сцены. Пьер Гренгуар предчувствовал триумф и лавры народного поэта.

Однако в самый торжественный момент дверь, ведущая на почетное возвышение, распахнулась.

– Его высокопреосвященство кардинал Бурбонский! – провозгласил звучный голос при-
вратника.

3. Кардинал Бурбонский

Пьер Гренгуар был очень огорчен тем, что его мистерию прервали второй раз. Конечно, обладая некоторым здравым смыслом, поэт искренне хотел бы, чтобы его пролог и похвалы в адрес дофина, сына льва Франции, дошли до слуха кардинала. У Гренгуара остался последний камзол, и тот уже был затерт до дыр. Высокое покровительство его таланта, а также несколько звонких монет в уплату за мистерию совсем не повредили бы нищему поэту. К сожалению, в благородной натуре стихотворца преобладала не корысть, а самолюбие. Для Гренгуара гораздо важнее было, чтобы мистерия продолжалась и чтобы зрители ее слушали.

Судьба распорядилась иначе. Прибытие кардинала взбудоражило аудиторию. Поднялся оглушительный шум. Головы зрителей повернулись к возвышению.

Карл, кардинал Бурбонский, по праву считался самым блестящим вельможей своего времени. Отличительными чертами его характера были гибкость царедворца и раболепие перед властью имущими. Кроме того, кардинал слыл человеком добродушным, вел веселую жизнь, охотно попивал вино из королевских виноградников, благосклонно относился к женщинам, охотнее подавал милостыню хорошеньким девушкам, чем старухам, и за все это был любим простонародьем Парижа. Как правило, его высокопреосвященство появлялся в сопровождении целого штата епископов и аббатов, тоже любезных, веселых, всегда согласных покутить. Наконец, он был высокий и очень красивый мужчина, который с большим изяществом умел носить великолепную пурпурную мантию.

Все это вместе взятое делало любое появление кардинала на публике весьма желанным событием. Никакая мистерия, никакой цирк не могли бы оторвать восхищенных женских и одобрительных мужских взглядов от этого любимца парижан. Его высокопреосвященство вошел на свое место, приветствовал толпу милостивым кивком головы и медленно направился к креслу, обитому алым бархатом. Вслед за ним прошествовали сопровождающие кардинала духовные лица. Все они улыбались и приветствовали горожан – кто взмахом руки, кто кивком головы, кто – лукаво подмигивая или шутиво грозя пальцем.

– Господа послы герцога Фландрии! – зычным голосом объявил привратник.

Кардинал с самым любезным видом повернулся к входной двери. Его примеру последовала свита. Актеры во главе с Мишелем Жиборном смущенно молчали, переминаясь с ноги на ногу. Пьер Гренгуар в бессильной ярости сжимал кулаки.

Парами, со степенной важностью, которая резко контрастировала с оживлением церковной свиты Карла Бурбонского, появились сорок восемь посланников Фландрии. В зале воцарилась глубокая тишина, которую, правда, изредка прерывал приглушенный смех.

У послов оказались славные простые лица, исполненные невозмутимой строгости и достоинства. Одеты они были добротнo, но без изящества, ступали тяжело, широко расставляя ноги. Кардинал наблюдал за ними с принужденной улыбкой. Про себя он считал послов неотесанным мужичьем. Карл не завидовал дофину, которому придется жить вместе с принцессой этого медвежьего государства.

Только один из приезжих имел вид прирожденного дипломата. Облаченный в камзол французского покроя, невысокий, сухощавый человек лет сорока пяти с вытянутым лицом и маленькими, чуть сощуренными глазками, он напоминал лисицу. Это был Гильом Рим, советник и первый сановник города Гента, человек редкого ума, способный плести подпольные интриги. Нередко он был в курсе самых секретных дел своего короля, и с ним считались самые влиятельные министры.

Едва Рим появился на возвышении, кардинал Бурбонский поднялся, подошел к советнику, низко поклонился ему, а потом взял под руку и усадил возле себя. Он искренне уважал этого человека, столь выгодно отличавшегося от своих товарищей.

Имя Гильома Рима ничего не говорило простым парижанам, и, конечно, никто не знал его в лицо. Толпа была изумлена подчеркнутым вниманием его преосвященства к невзрачному иностранному советнику. Люди недоуменно переглядывались и пожимали плечами. Такой нелепости от своего любимого кардинала парижский люд не ожидал.

4. Мэтр Жак Копеноль

Пока первый сановник города Гента и кардинал Бурбонский вполголоса обменивались любезностями, перед дверью, которая вела на возвышение, показался какой-то широколицый и широкоплечий человек высокого роста. Он намеревался войти в дверь сразу же после Гильома Рима. Его войлочная шляпа и кожаная куртка казались грязным пятном на фоне шелка и бархата, в которые были облачены французские вельможи. Привратник преградил наглецу дорогу.

– Эй, приятель! Сюда нельзя!

Человек в кожаной куртке оттолкнул его плечом.

– Ваше имя? – спросил привратник.

– Жак Копеноль.

– Ваше звание?

– Чулочник в Генте, владелец лавки «Три цепочки». Объявляй!

Привратник едва сдержался, чтобы не ударить нахала. В его обязанности входило объявлять имена старшин и бургомистров, но докладывать во всеуслышание о чулочнике! Это было чересчур.

Заметив недовольство привратника, Гильом Рим наклонился к нему.

– Объявите: мэтр Жак Копеноль, секретарь совета старшин города Гента, – с тонкой улыбкой шепнул Рим.

Привратник замялся. Слишком уж потертый вид был у секретаря старшин, чтобы пропустить его в общество высокопоставленных особ.

– Ну что же вы! – громко сказал кардинал. – Повторяйте: мэтр Жак Копеноль, секретарь совета старшин славного города Гента.

Кардинал, сам того не зная, допустил оплошность. Жак Копеноль был включен в посольство, потому что считался самым влиятельным горожанином Гента. Он не занимал никакого поста в ратуше, зато пользовался огромным авторитетом у простонародья, и временами даже членам герцогской семьи приходилось обращаться к нему за поддержкой. Когда в Генте произошло народное восстание, именно Копеноль решал, кого из сановников казнить, а кому даровать жизнь. По настоятельному требованию жителей Гента, мэтр Копеноль отправился в Париж определять судьбу своей принцессы бок о бок с именитыми сановниками. Те уже научились уважать простого чулочника и не обращали внимания на его одежду и манеры.

Гильом Рим, несомненно, сумел бы уладить дело, но Копеноль услышал слова кардинала. Избежать скандала не удалось.

– Нет-нет! – воскликнул горожанин. – Жак Копеноль, чулочник! Слышишь, привратник? Объявляй именно так, а не иначе! Это я взбунтовал жителей Гента против фаворитов нашей обожаемой Маргариты! Принцесса Фландрская со слезами прибежала к подножию эшафота просить народ пощадить ее любимцев! А я, торговец чулками, поднял руку, и голова канцлера Гугоне слетела с плеч!

Раздался взрыв рукоплесканий. Парижане поняли шутку и оценили ее по достоинству. Копеноль был простолюдин, как и они сами, поэтому сближение установилось молниеносно и совершенно естественно. Высокомерная выходка фламандского чулочника, унизившего придворных вельмож, пробудила в душах простых людей чувство собственного достоинства.

Копеноль гордо поклонился его высокопреосвященству, и тому поневоле пришлось ответить на приветствие всемогущего горожанина. Поистине, подумал про себя кардинал, фландрское посольство представляло собой скопище всевозможного сброда.

Однако неприятности кардинала на этом не кончились. Через несколько минут его высокопреосвященство заметил нахального нищего, который уже перебрался с мраморного стола

на возвышение и преспокойно уселся на краю, скрестив ноги. Это была неслыханная дерзость, и кардинал обернулся, чтобы позвать стражу.

Каково же было его изумление, когда посол Копеноль, пристально взглянув на оборванца, вдруг подошел к нему и дружески хлопнул по прикрытому рубищем плечу. Чулочник и нищий принялись оживленно перешептываться. Необычность этой сцены вызвала у публики такой взрыв безудержного веселья, что кардинал не мог не вмешаться.

– Мэтр Копеноль! – повысил голос его высокопреосвященство. – чем вы заняты?

– Это мой приятель! – не выпуская руки Клопена, простодушно заявил Копеноль. – Познакомьтесь, ваше высокопреосвященство! Клопен Труйльфу, король нищих, правитель парижского Арго! Между прочим, августейшая особа!

Кардинал скроил кислую мину.

– Ура! Да здравствует Копеноль! – заревела толпа.

Так Жак Копеноль заслужил полное доверие народа не только в Генте, но и в Париже.

С той минуты, как в зале появился кардинал, Пьер Гренгуар всеми силами старался спасти свой пролог. Сначала он приказал замолкшим было исполнителям говорить громче. Затем, видя, что актеров никто не слушает, поэт остановил их и в течение пятнадцати минут не переставал топтать ногами и подстрекать своих соседей, чтобы те требовали продолжения пьесы.

Все было безрезультатно. Смотреть на живых послов, да еще таких занятных, как Копеноль, народу было гораздо интереснее, чем на раскрашенных, расфранченных, изъясняющихся непонятными стихами, похожих на соломенные чучела актеров. Плевать против ветра не имело смысла, и Гренгуар решил дожидаться, пока зрители успокоятся.

Шум утих, и поэт придумал новую хитрость.

– Сударь! – обратился он к своему соседу, добродушному толстяку с терпеливым лицом. – Не начать ли с начала?

– Что начать? – спросил сосед.

– Мистерию.

– Как вам будет угодно, – отозвался сосед.

Этого полуодобрения оказалось достаточно. Замешавшись в толпу, Гренгуар принялся на разные голоса выкрикивать, чтобы представление начали с начала. Он не замечал, что совершенно одинок в своем стремлении. Остальные зрители давно потеряли интерес к мистерии и мечтали только, чтобы высокие гости вообще ее отменили.

– Что там кричат? – недовольно поморщился кардинал.

Судья, сопровождавший его высокопреосвященство в числе других знатных господ, поднялся с места. Ему уже успели доложить о том, что произошло во Дворце правосудия в отсутствие кардинала.

– Прошу прощения, ваше высокопреосвященство. На двенадцать часов дня было назначено представление. Полдень пробило, и народ потребовал зрелища. Актеры были вынуждены начать мистерию в ваше отсутствие, – пояснил он.

Кардинал расхохотался.

– Честное слово, – воскликнул он, – надо нам было опоздать и к воротам Боде! Может, ректор университета поступил бы точно так же и избавил нас от необходимости выслушивать его речь! Как вы полагаете, мэтр Гильом?

– Ваше высокопреосвященство! – прищутив глаза, отозвался Рим. – Будем благодарны народу, что хоть здесь он избавил нас от половины представления!

Кардинал улыбнулся удачной шутке и заговорщически подмигнул Риму.

– Ваше высокопреосвященство, – подал голос судья, – прикажете разрешить этим бездельникам продолжать комедию?

– Продолжайте, продолжайте, – улыбаясь, махнул рукой кардинал, – мне все равно. Я пока почитаю молитвенник.

Судья подошел к краю помоста и движением руки водворил тишину в зале.

– Продолжайте представление, – провозгласил он.

Актеры принялись декламировать, и у Гренгуара затеплилась надежда, что, по крайней мере, конец его произведения будет выслушан с благоговейным вниманием. Однако его чаяния очень скоро растаяли как дым.

Вслед за послами появились другие участники торжественной процессии, чьи имена и звания, возвещаемые монотонным голосом привратника, врезались в диалоги актеров и вносили путаницу в ход действия. Зрители не знали, куда им смотреть, – на сцену, или на возвышение, где сидели почетные гости.

Гренгуар был вне себя. Интерес зрителей к его пьесе должен был, как ему казалось, возрастать, но этого не происходило. Поэт знал, что его совершенному произведению недостает только одного – внимания аудитории. Он с беспокойством оглядывал зал, но видел одни затылки.

Никто не смотрел на подмостки, где разыгрывалось невероятно замысловатое драматическое действие. Перед четырьмя героями пролога предстала Венера, одетая в тунику, на которой был вышит корабль – герб города Парижа. Богиня явилась требовать дельфина, обещанного самой красивой в мире женщине. Юпитер, громы которого грозно прогрохотали из раздевалки, поддержал это справедливое требование. Венера уже протянула руку, чтобы увести сына льва Франции, иными словами выйти за него замуж. Однако тут на сцене появилась девушка в белом шелковом платье с маргариткой в руке, что позволяло узнать в ней Маргариту Фландрскую. Девушка принялась оспаривать победу Венеры. После долгих пререканий Венера, Маргарита и прочие решили обратиться к суду Пречистой девы.

К сожалению, ни одна из красот пьесы никем из зрителей не была оценена. Гренгуар время от времени дергал за рукава Жискетту и Лиенарду, чтобы те обернулись к сцене. Однако кроме легкомысленных девушек, да его терпеливого толстяка-соседа, никто не обращал на злополучную мистерию никакого внимания. Люди откровенно скучали, вертели головами и разговаривали вслух, отчего в зале стоял приглушенный гул.

В довершение неприятностей со своего места поднялся Жак Копеноль. В зале мигом воцарилась тишина.

– Господа жители славного города Парижа! – заговорил чулочник. – Я что-то не возьму в толк, что мы все тут делаем. Я вижу на столе, жалких людишек, которые уже полчаса мелют несусветную чушь. Пусть уж лучше спляшут мавританский танец или покажут фокус! Хотя, нет, они этого не смогут! Кишка тонка! Одно слово – актеры!

Слова Копеноля были встречены одобрительным гулом.

– Мне обещали показать избрание шутовского папы, – продолжал чулочник. – Знаете, как проходит этот праздник у нас в Генте? Собирается толпа, потом каждый по очереди сует голову в какое-нибудь отверстие и корчит гримасу. Тот, у кого, по общему мнению, получится самая безобразная физиономия, выбирается папой. Вот и все. Хотите избрать короля шутов по обычаю моей родины? Это будет повеселее, чем глазеть на ряженых!

Предложение чулочника было восторженно встречено толпой. Всякое сопротивление было бесполезно. Гренгуар в отчаянии закрыл лицо руками. Его мистерия с треском провалилась.

5. Квазимодо

Для осуществления затеи Копенюля требовалась некоторая подготовка. Кто-то предложил для показа гримас использовать маленькую часовню, в которой стояла статуя коленапреклоненного короля перед девой Марией: головы можно было просовывать в каменное кольцо над входом. Часовня быстро наполнилась кандидатами в папы, и дверь за ними захлопнулась.

Кардинал, ошеломленный таким поворотом событий, под предлогом неотложных дел удалился в сопровождении недоумевающей свиты. Почтенные горожане бочком пробирались к выходу. В зале остались только иностранцы и парижские простолюдины. В отсутствие высокопоставленных сановников можно было бесчинствовать безнаказанно.

Начался показ гримас. Первая появившаяся в отверстии рожа с вывороченными веками, разинутым наподобие звериной пасти ртом и собранным в складки лбом, напоминавшим голенище гусарского сапога, вызвала у присутствующих неудержимый хохот. За ней последовала вторая и третья, еще отвратительнее.

Наконец появилась такая страшная физиономия, переплюнуть обладателя которой, по общему мнению, было невозможно. Четырехгранный нос, рот, изогнутый подковой, крохотный левый глаз, закрытый щетинистой рыжей бровью, а правый – громадной бородавкой, кривые зубы, растрескавшаяся губа, раздвоенный подбородок... Выдумать и изобразить на лице такую безобразную, нечеловеческую гримасу удалось бы далеко не каждому. Победитель был избран единогласно.

– Папа! – закричали зрители. – Да здравствует папа!

Толпа устремилась к часовне и торжественно вывела оттуда вновь избранного папу шутов. Изумлению и восторгу зрителей не было предела. Гримаса оказалась настоящим лицом этого человека.

Это был урод из уродов. Громадная голова, поросшая рыжей щетиной, огромный горб между лопатками, и второй, уравновешивающий его, – на груди, делали их обладателя похожим на какое-то фантастическое животное. Бедр горбуна были настолько вывихнуты, что его искривленные ноги сходились только в коленях, напоминая спереди два серпа с соединенными рукоятками. Однако, несмотря на несомненное уродство, от всей его крепко сбитой фигуры веяло грозной силой, проворством и отвагой.

– Это же горбун Квазимодо! – закричали зрители. – Звонарь Собора Парижской Богоматери!

– Это звонарь моего брата архидьякона! – крикнул Жеан Фролло. – Здорово, Квазимодо! Квазимодо не отозвался.

– Он глухой, – обернулась к Жеану какая-то старуха. – Оглох оттого, что звонил в колокола. Но он говорит, если захочет.

Мэтр Копенюль успел где-то раздобыть картонную тиару, похожую на головной убор настоящих церковных иерархов, и яркую малиновую мантию. Квазимодо развел руки в стороны и беспрекословно позволил облечь себя в шутовские одежды. Потом его усадили на пестро раскрашенные носилки, и двенадцать человек подняли паланкин на плечи. Мрачное лицо горбуна вспыхнуло какой-то горькой радостью, когда он увидел у своих кривых ног головы красивых, стройных, хорошо сложенных мужчин.

Прежде чем пойти по городу, процессия обошла все внутренние галереи Дворца правосудия. Галдящая толпа с воплями и плясками славилась вновь избранного шутовского папу.

– На Гревскую площадь! – кричали люди. – К королевскому костру! Да здравствует праздник!

6. Эсмеральда

Во время избрания и облачения Квазимодо Гренгуар и его мистерия держались стойко. Понукаемые автором, актеры без усталости декламировали стихи, а тот, в полном одиночестве, внимательно их слушал. Поэт во что бы то ни стало решил довести представление до конца. Несмотря ни на что, он не терял надежды, что публика еще обратит внимание на его великолепную пьесу.

Этот луч надежды разгорелся еще ярче, когда поэт заметил, что Копеноль, Квазимодо и буйная ватага подданных шутовского папы покинули большую залу. Толпа жадно устремила за ними.

– Отлично! – пробормотал Пьер Гренгуар. – Крикуны уходят. Остаются истинные ценители искусства.

К несчастью, в число крикунов попали практически все присутствующие. Остались только женщины, старики и дети, уставшие от шума и гама, да несколько школяров, которые наблюдали шествие процессии Квазимодо через окна. Зала опустела. Гренгуар воспрял духом, полагая, что уж эти-то благодарные зрители по достоинству оценят его сочинение.

– Эсмеральда! – вдруг закричал кто-то из школяров, по-прежнему сидевших на подоконниках. – Эсмеральда на площади!

Это имя произвело на людей магическое действие. Все, кто еще оставался в зале, дружно бросились к окнам и выглянули на улицу. Мгновенно воцарилась тишина, и с площади донеслись громкие рукоплескания.

– Что еще за Эсмеральда? – воскликнул Гренгуар, в отчаянии сжимая кулаки. – Продолжайте, Юпитер!

– Я не могу, – жалобно ответил Юпитер из раздевалки. – Школяр унес лестницу, а без нее мне не забраться на сцену!

– Зачем ему понадобилась лестница?

– Чтобы смотреть на Эсмеральду, – ответил актер. Это был последний удар судьбы.

– Убирайтесь к черту! – крикнул Гренгуар комедиантам. – Если мне заплатят, я с вами рассчитаюсь.

Непонятый поэт в отчаянии бросился вон из Дворца.

7. Бегство от праздника

Ранние январские сумерки были по душе Гренгуару. Он спешил добраться до какой-нибудь пустынной улочки, чтобы без помехи поразмыслить там над своей горькой участью.

Ночевать ему было негде. После провала пьесы поэт не решался вернуться домой, в жалкую коморку, которую он снимал на Складской улице. Он должен был внести хозяину квартирную плату за полгода, что составляло двенадцать парижских су – ровно в двенадцать раз больше того, чем обладал Гренгуар.

Поэт обогнул собор и издали снова увидел шутовскую процессию, которая с оглушительными криками двигалась по улице. Это зрелище разбередило уязвленное самолюбие поэта. Он развернулся и поспешил прочь.

– Проклятый праздник! – ругался Гренгуар. – Ничтожества! Им бы только орать и корчить рожи! Искусство их не волнует!

Сегодняшний день должен был стать днем торжества поэта, днем признания его великого таланта, днем, когда сильные мира сего должны были озолотить гениального сочинителя мистерии. Однако ничего подобного не произошло. Праздник состоялся для всех, кроме Гренгуара.

Поэт долго бродил по улицам. Мысли его становились все мрачнее. Он заметил, что очутился на берегу Сены, поднялся на мост и посмотрел вниз.

– С каким бы удовольствием я утопился, если б вода была потеплее! – печально пробормотал непризнанный гений и повернулся к реке спиной. – Что толку! Все равно никто не заметит!

Гренгуар уныло побрел вдоль набережной. Из домика паромщика донесся звук взорвавшейся петарды. Торжества продолжались. Бежать от них было некуда.

Тогда поэт принял неожиданное решение. Раз уединиться и предаться отчаянию не получается, не лучше ли пойти на Гревскую площадь и принять участие в общем празднике?

– По крайней мере, – задумчиво проговорил Гренгуар, – мне хоть достанется головешка от праздничного костра, и я согреюсь. Говорят, в буфете ратуши выставлены для народа три огромных сахарных кренделя в виде королевского герба. Может, удастся поужинать крошками. Не могли же их полностью слопать!

8. Развенчанный папа

Пока Гренгуар добирался до Гревской площади, он продрог до костей. Январь в Париже в том году выдался холодным. Мысль о том, что придется всю ночь провести без крыши над головой, сильно огорчала поэта. Он поспешил к праздничному костру, пылавшему посреди площади, между домом с длинным рядом колонн и мрачной городской виселицей.

Однако костер окружало плотное кольцо людей, и Гренгуару никак не удавалось пробиться сквозь него. Приглядевшись, он заметил, что круг был значительно шире, чем необходимо, чтобы просто греться возле огня.

Наплыв зрителей объяснялся не только наличием сотни пылавших вязанок хвороста. На свободном пространстве между костром и толпой танцевала девушка.

Она порхала и кружилась на небрежно брошенном ей под ноги старом персидском ковре. Всякий раз, когда ее сияющее лицо возникало перед Гренгуаром, взгляд больших черных глаз танцовщицы ослеплял поэта. Цвет кожи у нее был темно-оливковый, и парижанки рядом с ней казались бледными и невзрачными. Девушка казалась выше своего роста – так строен был ее тонкий стан. Маленькая смуглая ножка в узком изящном башмачке временами показывалась из-под пышной юбки, и среди зрителей раздавались восторженные восклицания.

Девушка танцевала под рокотанье бубна, который держала высоко над головой. Толпа смотрела на нее, не отрываясь. Тоненькая, хрупкая, черноволосая, быстрая, как оса, в золотистом, плотно облегавшем талию корсаже, в пестром раздувавшемся платье, с сияющими глазами, она была невероятно прелестна.

Гренгуар не мог скрыть своего восхищения.

– Это андалузка, римлянка, – пробормотал поэт. – Существо прекрасное и неземное. О ней слагали оды, ее воспевали в балладах, ее изображали скульпторы, и вот она ожила, она здесь, возле меня... Чудесный сон, небесное создание...

В этот патетический момент одна из кос девушки расплелась. Привязанная к волосам медная монетка упала и покатила по земле. Мираж рассеялся.

– Ах, нет, я ошибся, – повесил голову Гренгуар. – Это всего лишь цыганка.

Однако, несмотря на свое разочарование, поэт остался на месте, замороженный танцем красавицы. Тем временем, подняв с земли и приставив остриями ко лбу две шпаги, девушка стала вращать их в одном направлении, а сама закружилась в обратном.

Яркий свет праздничного костра весело играл на лицах зрителей, на смуглом лице танцовщицы и отбрасывал слабый отблеск в глубину площади, на черный, покрытый трещинами старинный фасад дома с колоннами и на каменные столбы виселицы.

Среди множества лиц, озаренных багровым пламенем костра, выделялось суровое, печальное лицо мужчины, который смотрел на танцовщицу, словно зачарованный. Человеку этому на вид можно было дать не больше тридцати пяти лет, однако он уже облысел, лишь кое-где на висках уцелело несколько прядей редких седеющих волос. Его высокий лоб бороздили морщины, хотя в глубоко запавших глазах горел юношеский пыл, жажда жизни и затаенная страсть. Мужчина сверлил глазами беззаботную цыганку, и его лицо становилось все мрачнее.

Наконец запыхавшаяся девушка остановилась, и восхищенная толпа наградила ее бурными рукоплесканиями.

– Джали! – позвала цыганка.

К девушке подбежала маленькая белая козочка с золочеными рожками и копытцами. Танцовщица присела на корточки и грациозно протянула ей бубен.

– Джали! Какой сейчас идет месяц?

Козочка изящно подняла переднюю ножку и стукнула копытцем по бубну один раз. Стоял январь, первый месяц года. Толпа дружно захлопала в ладоши.

– Джали! – снова обратилась к козочке девушка, перевернув бубен. – Какое сегодня число?

Джали ударила по бубну шесть раз. Среди зрителей послышались восхищенные возгласы.

– Джали! – продолжала цыганка, помахав бубном. – Который час?

Джали стукнула семь раз. В то же мгновение на часах дома с колоннами пробило семь.

Толпа застыла в изумлении.

– Это колдовство! – мрачно проговорил лысый человек, не спускавший с цыганки глаз.

Девушка вздрогнула и обернулась, но гром рукоплесканий заглушил зловещие слова незнакомца, и она не поняла, откуда они донеслись. Цыганка снова присела перед козочкой и протянула к ней ладони.

– Джали! Как ходит начальник городских стрелков во время крестного хода? – склонив набок изящную головку, спросила девушка.

Джали поднялась на задние ножки и заблеяла. Потом она стала с такой забавной важностью переступать копытцами, что зрители покатались со смеху. Козочка показывала исключительно удачную пародию на ханжеское благочестие начальника стрелков.

– Джали! – продолжала молодая девушка, ободренная растущим успехом. – Как королевский прокурор Жак Шармолю говорит речь в суде?

Козочка села и заблеяла, так странно подбрасывая передние ножки, что все в ней – поза, движения, повадка – действительно напомнило Жака Шармолю. Зрители восторженно захлопали в ладоши.

– Богохульство! Кощунство! – снова послышался голос лысого мужчины.

Цыганка обернулась.

– Опять этот гадкий человек! Где он?

Но ее недоброжелатель уже успел замешаться в толпу. Выпятив нижнюю губку, девушка сделала неприязненную гримасу. Затем, повернувшись на каблучках, она пошла по кругу собирать в бубен деньги. Довольные зрители не скупилась. Крупные и мелкие серебряные монеты сыпались градом. Когда танцовщица проходила мимо Гренгуара, тот тоже по инерции сунул руку в карман. Цыганка остановилась, выжидающе глядя на него.

– Черт! – воскликнул поэт.

В кармане у него не было ни гроша. Красавица не уходила и пристально глядела ему в лицо большими черными глазами. Крупные капли пота выступили на лбу Гренгуара. Владей он всем золотом мира, сейчас он, не задумываясь, отдал бы его девушке. Но золота у него не было. Второй раз за день поэт был оскорблен в лучших чувствах.

Его спас неожиданный случай.

– Уберешься ты отсюда, цыганское отродье? – крикнул пронзительный голос из темного угла площади. – Прочь! Прочь!

Девушка вздрогнула и обернулась. Надтреснутый голос продолжал расточать по ее адресу проклятия.

– Затворница Роландовой башни! – загоготали в толпе. – Сейчас она задаст цыганке!

Гренгуар, воспользовавшись замешательством девушки, поспешно спрятался в толпе. Отсутствие денег вернуло его к реальности. Грустные размышления не давали поэту покоя. Плохо ложиться спать не поужинав. Еще печальнее, оставшись голодным, не знать, где переночевать. Именно в таком положении оказался Пьер Гренгуар.

Девушка подозвала козочку и стала собирать свои нехитрые пожитки. В этот момент послышался гул голосов. На площадь входила процессия шутовского папы. По дороге из Дворца правосудия она вобрала в себя изрядное число бродяг.

Впереди двигались цыгане. Во главе их ехал верхом на осле цыганский герцог в сопровождении своих пеших графов, за которыми беспорядочной толпой брели женщины в мантиях, таща на спине грязных ревуших детей.

За цыганами двигались воры и калеки. В середине процессии две больших собаки везли сидевшего в тележке на корточках Клопена Труйльфу, короля парижских бродяг и воров. Его окружали скоморохи в отрепьях.

Самые знатные члены братства шутов несли на плечах носилки, на которых, облаченный в мантию, с посохом в руке, восседал Квазимодо, звонарь Собора Парижской Богоматери.

Безобразное и печальное лицо Квазимодо озаряла горделивая радость. Впервые в жизни горбун испытывал ощущение удовлетворенного самолюбия. Прежде он видел от людей только унижение, презрение и отвращение к своей особе. Теперь же, невзирая на глухоту, он, как истинный папа, смаковал приветствия толпы и чувствовал себя ее властелином. Подданные Квазимодо представляли собой сборище шутов, калек, воров и нищих, но все же это были подданные, а он их повелитель. Квазимодо принимал за чистую монету насмешливые рукоплескания и озорные знаки почтения. Источник радости бил в нем все сильнее, и чувство гордости все больше овладевало горбуном.

К удивлению и ужасу толпы, в тот момент, когда упоенного величием Квазимодо торжественно проносили мимо дома с колоннами, какой-то человек бросился наперерез процессии. Резким движением он вырвал у горбуна из рук деревянный позолоченный посох. Это оказался незнакомец с облысевшим лбом. Гренгуар, который не успел раньше рассмотреть его, теперь удивленно присвистнул.

– Да ведь это мой учитель герметики, отец Клод Фролло, архидьякон Собора Богоматери!

Квазимодо кубарем свалился с носилок. Женщины отвернулись, чтобы не видеть, как он растерзает архидьякона. Однако Квазимодо бросился к священнику и упал перед ним на колени, виновато опустив голову. Архидьякон сорвал с него тиару, сломал посох и разорвал мишурную мантию. Затем между ними завязался странный разговор на языке жестов.

Оба не произносили ни слова. Архидьякон стоял выпрямившись, гневный, властный, повелевающий. Квазимодо смиренно распростерся на земле, словно умоляя о пощаде. Наконец священник жестом приказал горбуну встать и следовать за ним, и Квазимодо послушно поднялся на ноги.

Тут братство шутов очнулось и решило вступить за своего внезапно развенчанного папу. Воры и калеки с перекошенными от злости лицами окружили священника, угрожающе сжимая кулаки.

Священник не проявил никаких признаков беспокойства. Квазимодо заслонил отца Клода от нападающих своим телом, отстранил толпу и пошел впереди, расталкивая тех, кто загораживал путь. Бродяги, недовольно ворча, расступались. Архидьякон и Квазимодо свернули за угол и скрылись на узкой темной улице. Никто не осмелился по следовать за ними.

– Чудеса, да и только! – пробормотал Гренгуар. – Однако, мне пора определиться, где я буду ночевать!

9. Феб де Шатопер

Гренгуар с тоской огляделся по сторонам. Взгляд его упал на белое пятно, смутно мелькавшее в сгустившихся сумерках. Приглядевшись, он узнал козочку цыганки, которая быстро семеняла за хозяйкой. Танцовщица быстрым шагом уходила с Гревской площади. Поэт решил двинуться следом.

– Есть же у нее какой-нибудь дом, – вслух размышлял он. – Надо попробовать. У цыганок доброе сердце. Чем черт не шутит?

Следуя за танцовщицей, Гренгуар скоро оказался в запутанном лабиринте переулков, перекрестков и глухих тупиков, расположенных вокруг старинного кладбища Невинных. Девушке, очевидно, хорошо была знакома эта дорога, потому что она двигалась вперед уверенной походкой, все больше ускоряя шаг.

Через некоторое время цыганка заметила, что ее кто-то преследует. Она то и дело с беспокойством оглядывалась, один раз даже резко остановилась, чтобы при свете, который падал из открытой двери булочной, оглядеть Гренгуара с головы до ног. После придирчивого осмотра девушка скорчила презрительную гримасу и продолжала свой путь.

На темной извилистой улочке Гренгуар потерял цыганку из виду. Он остановился, чтобы прикинуть, куда ему отправиться дальше. Этот квартал Парижа поэт знал плохо, а вокруг не было ни души, чтобы подсказать ему, как выбраться.

В этот момент поэт услышал пронзительный женский крик и бросился на помощь. У подножия статуи Пречистой девы, которая была установлена на перекрестке двух улочек, горел тусклый уличный фонарь. В его неровном свете поэт разглядел цыганку. Она отчаянно отбивалась от двух мужчин.

– Стража! – громко крикнул Гренгуар и отважно подскочил к незнакомцам.

В нижних этажах окрестных домов зажегся свет. Послышался стук открываемых ставней. Один из державших девушку мужчин обернулся к Гренгуару, и поэт узнал Квазимодо. Его спутник тут же закрыл лицо плащом.

К чести Гренгуара надо сказать, что поэт не бросился наутек при виде двух противников. Однако он замер на месте и не сделал ни шагу вперед, чтобы отбить девушку. Вступать в бой с горбуном, отличавшимся огромной физической силой, было по меньшей мере безрассудно.

Квазимодо, одной рукой таща за собой упирающуюся цыганку, подошел к Гренгуару и ударил его кулаком наотмашь. Поэт отлетел назад и упал, ударившись головой о мостовую. Перевернувшись несколько раз, он скатился в сточную канаву и потерял сознание. Горбун взвалил девушку на плечо и зашагал вниз по улице. Его спутник показывал дорогу, а белая козочка с жалобным блеянием бежала сзади.

– Помогите! Помогите! – кричала цыганка.

– Стойте, негодяи, отпустите девку! – раздался голос.

Из-за угла появился всадник на белом коне – офицер, начальник королевских стрелков. Он стремительно подскочил к похитителям и выхватил шпагу из ножен. Горбун и его спутник от неожиданности остановились. Вырвав цыганку из рук ошеломленного Квазимодо, всадник перебрал ее поперек седла. Все произошло в течение нескольких секунд.

Горбун опомнился и бросился на офицера, чтобы отбить у него свою добычу. Однако в этот момент в конце улицы показалось полтора десятка вооруженных стражников.

Квазимодо обступили со всех сторон, схватили, скрутили веревками руки за спиной. Он рычал и кусался, но стрелки не обращали на это внимания. В суматохе никто не заметил, что таинственный спутник звонаря бесследно исчез.

Тем временем офицер галантно протянул спасенной девушке руку и помог ей поудобнее устроиться на его лошади. Цыганка, грациозно выпрямившись, положила руки на плечи моло-

дого человека и несколько секунд не сводила с него восхищенных глаз. В свете фонаря она разглядела, что ее спаситель отличался очень приятной внешностью. Высокий, стройный, темноволосый, синеглазый, он походил на сказочного принца. Его горделивая осанка, роскошный мундир, тонкие и сильные пальцы, которыми офицер бережно поддерживал цыганку за талию, указывали на его высокое происхождение. Офицер смотрел на девушку таким проникновенным, оценивающим мужским взглядом, что у нее перехватило дыхание. Крайне своевременное вмешательство и действенная помощь сделали его в глазах уличной танцовщицы настоящим героем.

– Как ваше имя, господин офицер? – с нежностью в голосе спросила цыганка.

– Капитан Феб де Шатопер, ваш покорный слуга, красавица, – приосанившись, ответил офицер.

– Благодарю вас, капитан, – промолвила она и прикоснулась к его щеке губами.

Молодой человек принялся самодовольно подкручивать усы. Цыганка одарила его влюбленным взглядом, а потом внезапно соскользнула с лошади и растаяла во мраке.

– Черт! – досадливо воскликнул Феб. – Я хотел оставить девчонку!

– Ничего не поделаешь, капитан, – ухмыльнулся один из стрелков, кивая в сторону связанного горбуна. – Пташка упорхнула, нетопырь остался. Придется заниматься службой.

– И то верно, – согласился офицер. – Стяните-ка его ремнями потуже. Надо же, какой редкостный урод.

Квазимодо повели в тюрьму.

10. Воскрешение Гренгуара

Оглушенный падением, Пьер Гренгуар несколько минут пролежал без сознания в сточной канаве у подножия статуи Пречистой девы. Мало-помалу он стал приходить в себя и вспомнил произошедшую на его глазах сцену насилия.

– Цыганка отбивалась от двух мужчин, – пробормотал поэт. – Значит у Квазимодо был сообщник. Но кто?

С горбуном никто не водил дружбы, его даже никто не мог бы нанять, чтобы похитить девушку. Ни один человек, за исключением священника Клода Фролло, не умел общаться с глухим звонарем. Суровый, надменный образ архидьякона смутно промелькнул в памяти поэта и связался с образом человека, закрывавшего лицо плащом, но Гренгуар тотчас отменил эту мысль. Клод Фролло был известен монашеским поведением, его добродетель вошла в поговорку, его репутация считалась безупречной. Он попросту не интересовался женщинами, тем более цыганками.

Ватага ребятишек с громким хохотом и криком пробежала по перекрестку, где лежал Гренгуар. Они волокли за собой какой-то бесформенный мешок. Поэт приподнялся на локте, чтобы встать, но голова сильно гудела, и он со стоном опустился обратно.

– Старикашка Мубон, который торговал гвоздями, помер! – кричали мальчишки. – Вот его соломенный тюфяк! Мы сейчас разожжем костер! Да здравствует праздник!

Подбежав к канаве и не заметив Гренгуара, они швырнули тюфяк прямо на него. Кто-то взял пучок соломы и запалил его от фонаря, горевшего перед статуей Пречистой девы. Тюфяк тут же ярко вспыхнул.

– Боже мой! – пробормотал Гренгуар. – Похоже, становится жарко!

Он собрал остаток сил, поднялся во весь рост, выпрыгнул из канавы, швырнул горящий тюфяк на ребятишек и пустился бежать прочь по улице.

– Пресвятая дева! – завизжали дети, бросаясь врассыпную. – Торговец Мубон воскрес!

11. Разбитая кружка

Гренгуар мчался прочь со всех ног. Когда красноватый отблеск горящего тюфяка остался далеко позади, поэт остановился и с трудом перевел дыхание.

– Слава богу! – буркнул он. – От этих сорванцов не приходится ждать ничего хорошего. Интересно, куда меня занесло?

Темная улица, на которой, озираясь, стоял Гренгуар, не была безлюдна. По обеим ее сторонам медленно тащились чьи-то безмолвные фигуры. Они походили на гигантских насекомых – червяков и гусениц, потому что их тела располагались низко над мостовой и как бы стелились по земле.

Гренгуар нагнал гусеницу, которая ползла медленнее других. Это оказался калека, который передвигался, подпрыгивая на руках. Поэт хотел было заговорить с ним, чтобы спросить, как выбраться из лабиринта улочек, но калека забормотал какую-то тарбарщину, и Гренгуару пришлось искать другого собеседника.

Следующий собеседник оказался колченогим, одноруким и настолько изувеченным человеком, что сложная система костылей и деревяшек, на которые он опирался, придавала ему сходство со складным стулом. Он тоже не смог ничего внятного ответить Гренгуару и только постукивал многочисленными деревянными подпорками.

В этот момент поэт почувствовал, что кто-то дергает его за рукав. Он обернулся. Рядом стоял бородатый слепой еврей очень низкого роста и протягивал Гренгуару вытянутую ладонь. Возле него сидела большая собака-поводырь, к ошейнику которой был привязан ремень, другим концом закрепленный на запястье нищего.

– Друг мой, – развел руками Гренгуар, – на прошлой неделе я продал последнюю рубашку. Я не могу дать тебе милостыню, мне самому впору ее просить.

Гренгуар повернулся к нищему спиной и решительно зашагал прочь. Однако и слепой прибавил шагу. Через пару минут поэт заметил, что безногий калека и однорукий инвалид спешат за ним, громко стуча костылями и деревяшками по мостовой. Гренгуар испугался и бросился бежать. За ним побежали слепец, однорукий и безногий.

Некоторое время Гренгуар петлял незнакомыми переулками. Вокруг него все возрастало количество инвалидов, паралитиков, хромых, безруких, кривых и покрытых язвами прокаженных. Одни выползали из-за углов, другие из подвалов.

Далеко впереди полыхало ровное зарево. Видимо, там горел праздничный костер. Бесчисленные нищие шли к этому огню со всех сторон.

Гренгуар попробовал повернуть обратно, но было уже поздно. Целая армия бродяг преградила ему путь. Неожиданно встав на ноги, безногий нахлобучил на голову Гренгуара свою круглую железную чашку, в которую он собирал подаяние, а слепец заглянул ему в лицо сверкающими зрячими глазами.

– Где я? – спросил потрясенный поэт.

– Во Дворе чудес, – был ответ.

Гренгуар затравленно огляделся. Он не раз слышал об этом месте, но никогда не бывал здесь. Двор чудес считался своего рода человеческой помойкой Парижа, где негодяи всех национальностей, просившие милостыню днем, ночью превращались в разбойников с большой дороги.

Двор чудес представлял собой обширную площадь неправильной формы. На ней горели костры, вокруг которых сидели люди. Слышался пронзительный смех, хныканье детей, ворчание женщин.

– Отведем его к королю! – послышалось из толпы.

Сильные руки калек грубо подхватили Гренгуара и поволокли его вперед. Камзол поэта, и без того дышавший на ладан, от такого непочтительного обращения окончательно порвался в клочья.

В дальнем конце площади возвышалось одноэтажное здание, оказавшееся таверной Двора чудес. Нищие втокнули своего пленника в низкую закопченную дверь. Гренгуар отряхнулся и опасливо огляделся.

Вокруг большого костра, пылавшего на широкой круглой каменной плите, были кое-как расставлены трухлявые столы. На столах поблескивали кружки, мокрые от вина и браги, а за кружками сидели пьяные завсегдатаи таверны с раскрасневшимися от вина и жары лицами. Всюду слышались раскаты грубого хохота и непристойные песни. Толстый весельчак чмокал обрюзгшую полураздетую девку. Солдат снимал тряпицы со своей искусственной раны и разминал здоровое крепкое колено. Нищий рисовал себе язвы на ноге, окуная тряпицу в посудину, полную бычьей крови. Неподалеку начинающий припадочный брал уроки падучей у опытного эпилептика, который учил его, как, жуя кусок мыла, вызвать пену на губах. Здесь же страдающий водянкой освобождался от своих фальшивых отеков.

Около костра копошилось несколько детей. Один ребенок плакал и кричал, потому что был голоден, но никто не обращал на него внимания. Другой карапуз молча сидел на высокой скамье, свесив ножки под стол, доходивший ему до подбородка. Третий с серьезным видом размазывал пальцем по столу оплывшее со свечи сало. Четвертый сидел в грязи прямо на земле. Его едва было видно из-за котла, который ребенок старательно скреб куском черепицы.

Возле костра возвышалась бочка, а на ней, словно на троне, восседал человек в лохмотьях. Это оказался Клопен Труйльфу, король Арго, предводитель парижских бродяг и нищих. Гренгуара поставили прямо перед ним.

– Кто такой? – небрежно, сквозь зубы, процедил король.

– Я тот, кто сегодня утром... – запинаясь, начал Гренгуар.

– Имя! – перебил его Клопен. – Назови свое имя! Не мямли!

– Пьер Гренгуар, – покорно ответил поэт.

– Итак, Пьер Гренгуар. Перед тобой три могущественных властелина. Я, Клопен Труйльфу, король Алтынный, властитель парижского Арго. Желтолицый старик, у которого голова обвязана тряпкой, – Матиас Спикали, герцог египетский и цыганский. Толстяк, который нас не слушает и обнимает потаскуху, – Гильом Руссо, император Галилеи. Мы твои судьи. Мы обвиняем тебя в том, что ты проник в царство Арго, не будучи его подданным. Значит, ты преступил наши законы и будешь наказан. Если ты не вор и не нищий, какого черта тебе здесь нужно?

– Я заблудился! – нашелся Гренгуар. – Я автор...

– Хватит болтать! – отрезал Труйльфу. – Тебя повесят. Закон, который вы, порядочные граждане, применяете к бродягам, бродяги в ответ применяют к вам. Если закон жесток и несправедлив, это ваша вина. Надо же хоть раз в жизни полюбоваться на гримасу порядочного человека в пеньковом ожерелье!

– Опомнитесь, господин Труйльфу! Я Пьер Гренгуар, поэт, автор мистерии, которую утром представляли в большой зале Дворца правосудия.

– Так это ты! – всплеснул руками Клопен. – Я ведь там был! Столько времени потерял, слушая твою дребедень! Приятель, если ты докучал мне утром, это еще не повод, чтобы миловать тебя вечером!

Не слушая Гренгуара, который всеми способами пытался оправдаться, король нищих стал вполголоса совещаться с цыганским герцогом и вдребезги пьяным галилейским царем, как поступить с пленником.

– Молчать! – крикнул Клопен толпе.

Все разом смолкли, ожидая его приговора. По знаку своего короля, подданные Арго встали полукругом, в центре которого оказался сникший Гренгуар.

– Наверное, неохота в петлю лезть, а? Вот тебе средство выпутаться, – хихикая, произнес цыганский герцог. – Хочешь примкнуть к нашей братии?

– Конечно, хочу! – с готовностью воскликнул Гренгуар.

– Ты согласен вступить в братство коротких клинков? – спросил Клопен Труйльфу.

– Да, – ответил Гренгуар.

– Ты признаешь себя членом общины вольных горожан? – задал вопрос император Галилеи.

– Да.

– Бродягой?

– От всей души.

– Имей в виду, – заметил Труйльфу, – ты все равно будешь повешен. Разница заключается в том, что тебя повесят порядочные люди, но повесят не сегодня, а попозже, более торжественно, за счет славного города Парижа, на отличной каменной виселице, которая стоит на Гревской площади.

– Это утешает, – проговорил Гренгуар, не зная, радоваться ему или плакать.

– Чтобы стать нашим братом, – продолжал Клопен, – надо доказать, что ты на что-нибудь годен. Попробуй, обшарь чучело.

– Как вам будет угодно, – кивнул Гренгуар.

Клопен махнул рукой. По его знаку несколько человек притащили передвижную виселицу. На веревке бродяги подвесили чучело, наряженное в красную одежду и увешанное множеством колокольчиков и бубенчиков. Перед виселицей поставили колченогую скамью.

– Влезай! – скомандовал Клопен.

Гренгуар взобрался куда ему было велено и принялся балансировать на шатком сооружении.

– Теперь, – продолжал король Арго, – зацепи правой ногой левое колено и стань на носок левой ноги. В таком положении ты должен дотянуться до кармана чучела, обшарить его и вытащить оттуда кошелек. Если сделаешь все так, что ни один колокольчик не звякнет, – твое счастье: ты станешь бродягой.

– А если колокольчики зазвонят?

– Мы тебя повесим.

Выбора не было. Гренгуар обхватил правой ногой левую, стал на левый носок и протянул руку вперед. Однако едва поэт прикоснулся к чучелу, он пошатнулся и, чтобы не упасть, невольно ухватился за полу красного камзола. Потеряв равновесие, оглушенный роковым трезвонном колокольчиков, Гренгуар повалился на землю. Бродяги расхохотались.

– Поднимите этого чудака и повесьте его без проволоочки, – сквозь смех проговорил Клопен.

Гренгуар поднялся на ноги. Чучело уже успели отцепить и освободили место для несостоявшегося вора. Чьи-то сильные руки оторвали Гренгуара от земли и поставили на скамью. Сам Клопен накинул поэту петлю на шею и потрепал его по плечу.

– Прощай, приятель! Теперь тебе не выкрутиться!

– Постойте! – вскрикнул вдруг цыганский герцог. – Чуть не забыл!.. По обычаю, прежде чем повесить человека, мы спрашиваем, не найдется ли женщины, которая захочет взять его в мужа. Ну, дружище, это твоя последняя надежда.

Женщины отнеслись к предложению герцога равнодушно. Гренгуар представлял собой жалкое зрелище. Изорванная одежда, грязное лицо, босые ноги, испуганные глаза ни у кого не вызвали сочувствия. От толпы, правда, отделилась одна толстуха с квадратным лицом. Она была так отвратительна на вид, что Гренгуар даже подумал, что лучше выбрать веревку, чем разделить с ней ложе.

Толстуха придирчиво оглядела дырявый камзол поэта и скорчила презрительную гримасу.

– Рвань! – пробурчала она. – А где твой плащ?

– Я его потерял.

– А шляпа?

– Ее украли.

– А башмаки?

– У них отвалились подошвы.

– А твой кошелек?

– У меня нет ни полушки.

– Ну так попроси, чтобы тебя повесили, да еще скажи спасибо! – отрезала толстуха и повернулась к нему спиной.

После нее к виселице подошла молоденькая девушка.

– Спасите меня, прошу вас! – шепнул ей Гренгуар.

Девушка взглянула на него с состраданием, затем потупилась, поправила складку на юбке и остановилась в нерешительности. Поэт следил за всеми ее движениями: девушка была его последней надеждой.

– Нет, – проговорила она наконец. – Если я возьму тебя, Гильом Вислоцкий меня поколотит.

Девушка скрылась в толпе.

– Тебе не везет, – развел руками Клопен.

В эту минуту толпа заволновалась.

– Эсмеральда! Эсмеральда! – повторяли бродяги на разные голоса.

Гренгуар вздрогнул и обернулся. Нищие расступились и пропустили вперед девушку изумительной красоты. Это была цыганка, которая танцевала сегодня вечером на Гревской площади и которую Гренгуар так неудачно взялся преследовать в темноте. По пятам за девушкой бежала хорошенькая белая козочка.

Легкой поступью Эсмеральда подошла к осужденному и молча взглянула на него.

– Вы хотите его повесить? – обратилась она к Клопену.

– Да, сестра, – с отеческой улыбкой ответил тот, – если только ты не захочешь взять его в мужа.

Девушка на мгновение задумалась, склонив головку набок.

– Я беру его, – спокойно произнесла она.

С шеи поэта немедленно сняли петлю и велели спуститься со скамьи. Гренгуар был настолько ошеломлен неожиданным спасением, а главное – необычным вниманием к нему красавицы, что потерял дар речи. Колени у него подгибались, и он без сил опустился на землю. Цыганский герцог молча принес глиняную кружку. Эсмеральда подала ее Гренгуару.

– Бросьте на землю, – сказала девушка.

Гренгуар дрожащей рукой швырнул посудину. Кружка разлетелась на четыре части.

– Брат! – с важностью произнес цыганский герцог, возложив руки на головы Гренгуара и Эсмеральды. – Она твоя жена. Сестра! Он твой муж. На четыре года. Ступайте.

12. Брачная ночь

Эсмеральда в сопровождении козочки двинулась через толпу прочь. Гренгуар побежал за ней следом, заглядывая девушке в глаза, пытаясь заговорить с ней, отблагодарить за чудесное избавление от виселицы. Цыганка молчала.

Спустя несколько минут поэт вошел вслед за ней в уютную, жарко натопленную комнатку со сводчатым потолком. Девушка по-прежнему не обращала на гостя никакого внимания. Она уходила, возвращалась, передвигала табуретку, болтала с козочкой. Наконец цыганка присела у стола, и Гренгуар смог ее разглядеть.

– Так вот вы какая, Эсмеральда! – проговорил он восхищенно. – Прекраснейшая из женщин и уличная плясунья! Вы нанесли утром последний удар моей мистерии, и вы же вечером спасли мне жизнь. Мой злой гений! Мой ангел-хранитель!

Тут он вспомнил, по какой причине избежал виселицы, и решил, что нельзя обмануть ожидания красавицы. Гренгуар поднялся, распрямил плечи и с таким предприимчивым и галантным видом подошел к девушке, что та невольно отшатнулась.

– Что это ты? – спросила она.

– Неужели вы не догадываетесь, милая Эсмеральда? – воскликнул Гренгуар с такой страстью в голосе, что сам себе удивился.

Цыганка изумленно посмотрела на него.

– Ничего не понимаю.

– Как? – продолжал Гренгуар, воспаляясь все больше. Он твердил себе, что имеет дело всего лишь с добродетелью Двора чудес, сломить которую не составит большого труда. – Разве я не твой, моя нежная подруга? Жена моя, женушка...

Поэт крепко обнял Эсмеральду за талию и прижал к себе. Девушка выскользнула у него из рук и, отскочив на другой конец комнатки, выхватила из-за корсажа маленький кинжал.

– Простите, мадемуазель, – улыбаясь, произнес Гренгуар, – зачем же вы выбрали меня в мужа?

– Было бы лучше, если бы тебя повесили?

– Значит, вы сделали это, только чтобы спасти меня от петли? – спросил задетый за живое Гренгуар.

– Тебе не нравится? Еще не поздно вернуться обратно!

Поэт послушно отступил назад, сел на табуретку и, словно защищаясь, поднял обе руки. В любви он был противником насилия и предпочитал выжидательную политику. Приятная беседа с глазу на глаз и добрый ужин представлялись ему вполне достойной заменой любовного приключения.

– Мадемуазель Эсмеральда! – сказал Гренгуар. – Давайте заключим перемирие. Я не буду доносить, что вы носите при себе кинжал, и поклянусь, что не подойду к вам без вашего согласия. А вы за это дадите мне поужинать.

Цыганка облегченно рассмеялась. Маленький кинжал исчез. Девушка наклонилась к большому ларю, и на столе появился ржаной хлеб, кусок сала, несколько сморщенных яблок и жбан браги. Голодный поэт бешено застучал железной вилкой о фаянсовую миску. Вся его любовная страсть мигом обратилась в аппетит.

Утолив голод, Гренгуар заметил, что на столе осталось всего одно яблоко. Молодому человеку стало очень стыдно. Эсмеральда даже не притронулась к еде. Она сидела напротив, погруженная в свои раздумья, и, казалось, не замечала своего гостя.

– Хочешь есть, Эсмеральда? – смущенно спросил Гренгуар.

Цыганка отрицательно покачала головой и перевела взгляд на сводчатый потолок своей комнатки. Ее мысли витали далеко, и голос Гренгуара не мог отвлечь Эсмеральду. Козочка принялась тихонько дергать свою хозяйку за рукав.

– Что тебе, Джали? – спросила цыганка.

– Она, наверное, хочет есть, – ответил Гренгуар, обрадовавшись предложению завязать разговор.

Эсмеральда раскрошила кусок хлеба, и козочка стала есть прямо у нее с ладони. Гренгуар решил ковать железо, пока горячо.

– Ты совсем не хочешь, чтобы я стал твоим мужем? – осторожно осведомился он.

Девушка пристально поглядела на него и усмехнулась.

– Нет.

– А любовником?

– Нет.

– А другом? – настаивал Гренгуар.

– Может быть.

– Ты знаешь, что такое дружба?

– Да, – ответила цыганка. – Это значит быть братом и сестрой. Дружат души, которые соприкасаются, не сливаясь, как два пальца одной руки.

– А любовь?

– О, любовь! – промолвила Эсмеральда, и голос ее дрогнул, а глаза заблестели. – Любовь – это когда двое едины.

Лицо уличной танцовщицы просияло поразительной красотой. Гренгуар был потрясен.

– Каким надо быть, чтобы тебе понравиться? – с робкой улыбкой спросил поэт.

– Надо быть мужчиной.

– А я? – обиделся поэт. – Разве я не мужчина?

– Мужчиной, у которого на голове шлем, в руках шпага, а на сапогах золотые шпоры.

– Вот как! – насмешливо протянул Гренгуар. – Значит, без золотых шпор нет и мужчины.

Ты кого-нибудь любишь?

– Я скоро узнаю, – произнесла, подумав, Эсмеральда.

– Почему не сегодня вечером? – нежно спросил поэт. – Почему не со мной?

Она серьезно взглянула на него.

– Я полюблю только того мужчину, который сумеет защитить меня.

Гренгуар покраснел. Девушка, очевидно, намекала на то, что два часа назад, когда ей грозила опасность, он не смог вызволить ее из рук похитителей.

Оба замолчали. Гренгуар стал царапать стол ножом, девушка принялась ласкать Джали.

– Какая хорошенькая козочка! – сказал Гренгуар.

– Это моя подружка, – ответила цыганка.

– Почему тебя зовут Эсмеральдой? – спросил поэт.

– Не знаю.

– А все же?

Девушка вынула маленькую овальную ладанку, висевшую на цепочке у нее на шее. Ладанка была обтянута зеленым шелком; посередине была нашита зеленая бусинка.

– Может быть, поэтому, – сказала она. – Мое имя по-испански значит «изумруд».

Гренгуар хотел взять ладанку в руки, но Эсмеральда резко отстранилась.

– Не прикасайся к ней! Это амулет.

Девушка спрятала ладанку и снова погрузилась в молчание. Гренгуар лихорадочно выдумывал тему, чтобы продолжить разговор.

– Когда ты приехала во Францию?

– Не помню. Я была совсем маленькая.

– А в Париж?

– В прошлом году. Когда в августе наш табор входил в Папские ворота, над головой у меня пролетела камышовая славка. Я еще подумала, что зима будет суровая.

– Да, так оно и было, – подхватил Гренгуар, радуясь, что разговор, наконец, завязался. – У меня всю зиму коченели пальцы. Значит, ты пришла с табором. Ты умеешь гадать?

– Нет.

– Кто тот человек, которого вы называете цыганским герцогом?

– Глава вашего племени.

– Он сочетал нас браком, – робко заметил поэт.

– Я даже не знаю, как тебя зовут.

– Пьер Гренгуар, – поспешно представился поэт.

– Я знаю более красивое имя, – отрезала девушка.

– Оно принадлежит твоему любимому?

Эсмеральда пожала плечами и промолчала.

– Ничего страшного, – заметил Гренгуар. – Может, ты полюбишь меня, узнав поближе. Ты рассказала мне свою историю, теперь моя очередь. Я сын сельского нотариуса. Двадцать лет назад, во время осады Парижа, моего отца повесили, а мать зарезали солдаты. Так в шесть лет я остался сиротой. Подошвами моим ботинкам служили мостовые Парижа. Сам не знаю, как мне удалось выжить. Я побирался. Торговка фруктами давала мне сливу, булочник бросал корочку хлеба. По вечерам я старался, чтобы меня подобрал на улице ночной дозор. Меня отводили в тюрьму, и там давали охапку соломы. Ты никогда не была в тюрьме, Эсмеральда?

Цыганка молчала. Казалось, она не слушала.

– В шестнадцать лет я решил выбрать себе род занятий, – продолжал Гренгуар. – Я пошел было в солдаты, но мне не хватало храбрости. Потом я стал монахом, но оказался недостаточно набожным, а кроме того, не умел пить. С горя я поступил в обучение к плотникам, но они прогнали меня, потому что я был неаккуратен. Больше всего мне хотелось стать школьным учителем. Грамоты я не знал, но это меня не смущало.

Гренгуар помолчал минуту. Эсмеральда не шевелилась, думая о чем-то своем.

– Убедившись, что я ни к чему не пригоден, я стал сочинять стихи и песни, – вновь заговорил поэт. – Это все же лучше, чем промышлять грабежом. К счастью, я познакомился с отцом Клодом Фролло, архидьяконом Собора Парижской Богоматери. Это ему я обязан тем, что стал по-настоящему образованным человеком, знающим латынь, начиная с трудов Цицерона и кончая «Житиями» святых. Я автор мистерии, которая сегодня с таким успехом была представлена во Дворце правосудия.

Гренгуар поглядел на девушку, желая убедиться, какое впечатление произвели его слова. Эсмеральда сидела, уставившись в одну точку, и болтала ногой.

– Я написал философский труд на шестьсот страниц о комете тысяча четыреста шестьдесят пятого года, из-за которой один несчастный сошел с ума, – похвастался Гренгуар. – У меня есть и другие достижения. Я работал над сооружением огромной бомбарды, которая взорвалась на мосту Шарантон и убила двадцать четыре человека. Я для тебя неплохая партия, Эсмеральда. Я напишу и посвящу тебе стихи. Я знаю множество забавных фокусов и могу научить им твою козочку. Например, я умею передразнивать парижского епископа. Потом я получу за свою мистерию большие деньги, если, конечно, мне за нее заплатят. Словом, я весь к твоим услугам; мой ум, мои знания, моя ученость. Я готов жить с тобой так, как тебе будет угодно – в целомудрии или в веселье: как муж с женой или как брат с сестрой...

Гренгуар умолк. Глаза Эсмеральды были опущены.

– Феб, – промолвила она вполголоса. – Что это значит?

Гренгуар не понял, какое отношение этот вопрос имел к тому, о чем он говорил, но воспользовался случаем блеснуть своей ученостью.

– Это латинское слово, оно означает «солнце», – приосанившись, ответил он.

– Солнце! – повторила цыганка.

– Так звали прекрасного бога-стрелка, – присовокупил Гренгуар.

– Бога! – повторила мечтательно Эсмеральда и провела кончиками пальцев по глазам.

Один из ее браслетов расстегнулся и упал на пол. Гренгуар наклонился, чтобы поднять его. Когда он выпрямился, девушка и козочка исчезли. Поэт услышал, как щелкнула задвижка на дверце, которая вела в соседнюю каморку. Эсмеральда заперлась изнутри.

– На сегодня все, – вздохнул Гренгуар.

Он обвел каморку взглядом. Лечь спать можно было только на длинном деревянном ларе. Ничего другого не оставалось, и Гренгуар, кряхтя, растянулся на жестком ложе.

– Какая странная брачная ночь! – пробормотал он и тут же уснул.

13. Полеты во сне

Пьеру Гренгуару снилось, что он летает и с высоты птичьего полета обозревает величественный Собор Парижской Богоматери.

Поэт сравнил бы это сооружение с симфонией в камне. Колоссальное творение рук человеческих выросло внизу во всем своем великолепии, и каждая деталь огромной церкви ярко вспыхивала в воображении Гренгуара.

Во сне он парил над крыльцом с одиннадцатью ступенями, приподнимавшими собор над землей, и касался нижнего ряда статуй, изображавших двадцать восемь древних королей Франции.

Потом поэт взмыл в безоблачное небо и стал медленно кружить в вышине, любясь раскинувшейся внизу панорамой. В те времена Париж был разделен на три города, резко отличавшихся друг от друга, обладавших каждый своим специальным назначением, своими нравами, обычаями, привилегиями и историей. Эти части назывались Сите, Университет и Город, и Пьер Гренгуар отчетливо видел каждую из них.

Сите располагался на острове. Это была самая древняя и самая незначительная по размерам часть Парижа. Университет занимал левый берег Сены, от башни Турнель до Нельской башни. Город, самая обширная из трех частей Парижа, стоял на правом берегу реки.

В Сите преобладали церкви, в Университете – учебные заведения, в Городе – дворцы. Юридическая власть на острове принадлежала епископу, на левом берегу – ректору, на правом – торговому старшине. В Сите Пьер Гренгуар пролетел Собор Парижской Богоматери, в Университете – Сорбонну, в Городе – Лувр и Ратушу.

Поэт парил в небесах, и душа его пела от счастья. Смутно в голове его стали складываться ритмичные рифмованные строки, которые ему никогда не удавалось написать наяву. Гренгуар силился запомнить их, но они ускользали, не давались ему, хитрили с поэтом, словно малютка Эсмеральда, которая тоже парила над городом. Каждый раз, когда Гренгуар протягивал к девушке руки, она переворачивалась в воздухе и превращалась в маленькую белую козочку.

14. Добрые души

Погожим воскресным сентябрьским утром 1466 года в деревянных яслях на паперти Собора Парижской Богоматери, куда обычно клали подкидышей, корчило поразительно уродливое живое существо. Оно возбуждало нездоровое любопытство большой группы зрителей, столпившихся рядом.

Ближе остальных к яслям стояли четыре женщины в серых форменных платьях. Все четыре были вдовы, монахини Агнеса ла Герм, Жеанна де ла Тарм, Генриетта ла Готьер и Гошера ла Виолет.

– Что это такое, сестрица? – спросила Агнеса, глядя на странного подкидыша. – Неужели младенец?

– Близок конец света, если стали рождаться такие дети! – воскликнула Жеанна.

– Это обезьяна, – сказала Гошера.

– Это знамение, – покачала головой Генриетта.

– Ну и урод! По-моему, его следует бросить в воду или в огонь, – встала Жеанна.

– Такого, наверное, никто не возьмет, – предположила Генриетта.

– Бедные кормилицы приюта для подкидышей! – воскликнула Агнеса. – Ведь им придется кормить это маленькое чудовище! Я предпочла бы дать грудь вампиру.

– Как вы наивны, сестра Агнеса! – с издевкой возразила Жеанна. – Маленькому уроду уже года четыре, не меньше! Зачем ему ваша грудь? Ему бы сейчас кусок жаркого с подливкой!

Маленькое чудовище напоминало угловатый, подвижный комочек, втиснутый в холщовый мешок. Снаружи торчала на удивление безобразная голова с копной рыжих волос, одним глазом и перекошенным ртом. Из глаза урод текли слезы, рот кривился в истошном крике, зубы впивались в грубую ткань, а тело извивалось в мешке.

Толпа потрясенных зрителей все росла и росла. Среди них появилась красавица Алоиза де Гонделорье, богатая и еще довольно молодая женщина. Она держала за руку очаровательную светловолосую девочку лет шести – свою единственную дочь Флер-де-Лис. Девочка, раздетая в шелк и бархат, водя хорошеньким пальчиком по прибитой к яслям доске, с трудом разобрала на ней надпись «Подкидыши».

– Я думала, сюда кладут только детей! – проговорила госпожа Гонделорье и отвернулась с нескрываемым отвращением.

Впрочем, прежде, чем отойти от паперти, молодая дама бросила в чашу для пожертвований серебряный флорин, мелодично звякнувший среди медных монет.

Минуту спустя возле собора показался Робер Мистриколь, королевский нотариус.

– Господин нотариус! – обратилась к нему Гошера. – Как вы думаете, что предвещает этот подкидыш?

– Величайшие бедствия, – ответил Мистриколь, не задумываясь.

– Было бы гораздо лучше, – воскликнула Жеанна, – если бы этого маленького колдуна бросили не в ясли, а на вязанку хвороста.

– Отродье дьявола, – заключила Агнеса. – Такого нельзя оставлять в живых. Он никому не нужен.

К рассуждениям монахинь уже несколько минут прислушивался стоявший поодаль молодой священник. У него был высокий лоб, задумчивый взгляд и суровое выражение лица. Он молча прошел сквозь толпу, взглянул на подкидыша и простер над ним руку.

– Я усыновляю этого ребенка, – сказал священник, поднял маленького уродца на руки и завернул в свою сутану.

Присутствующие проводили его недоумевающими взглядами.

– Кто это? – спросил нотариус.

- Клод Фролло, – ответили ему. – Служит в Соборе Парижской Богоматери.
- Я вам давно говорю, сестра, этот молодой священник – чернокнижник, – прошептала Генриетта, наклонившись к уху Агнесы.

15. Клод Фролло

Клод Фролло был личностью незаурядной. Он родился в семье именитого горожанина. Родители с детства готовили сына к принятию духовного сана. В приходской школе Клода научили читать по-латыни и воспитали в нем привычку опускать глаза и говорить тихим голосом. Когда мальчик подрос, отец отдал его в Университет, в колледж Торши, где Клод постигал науку, склонившись над требником и словарями.

Он рос грустным, тихим, серьезным ребенком, прилежно учился и хорошо усваивал знания. Он не шумел на переменах, мало интересовался праздниками, не дразнил бедных школьников, зато усердно посещал занятия.

Покончив с богословием, Клод принялся изучать медицину. Он постиг науку о лекарственных травах и целебных мазях, приобрел основательные знания в области лечения лихорадок, ушибов, ранений и нарывов. Он освоил латынь, греческий и древнееврейский языки, и в восемнадцать лет окончил все четыре факультета Университета. Молодой человек искренне полагал, что в жизни есть только одна цель: наука.

Знойным летом 1466 года в Париже разразилась эпидемия чумы, которая унесла жизни почти сорока тысяч человек. По слухам, она особенно свирепствовала в том районе, где жили родители Клода и его младший брат Жеан, грудной младенец. Охваченный тревогой, юноша оторвался от книг и поспешил домой. Переступив порог, он увидел, что мать и отец мертвы. Голодный Жеан жалобно плакал в колыбели. Клод взял ребенка на руки и вышел из дома.

До этого трагического дня мысли Клода были полностью поглощены наукой, теперь молодой человек столкнулся с реальной жизнью. Кормить малыша надо было молоком, и Клод нашел брату кормилицу. У жены мельника был ребенок того же возраста, что и Жеан. Клод отдал брата мельничихе, а сам стал зарабатывать на хлеб насущный.

Оказавшись в девятнадцать лет сиротой и одновременно главой семьи, Клод быстро почувствовал, как жесток переход от ученических мечтаний к суровым будням. Юноша вообразил, что в мире существуют только кровные, семейные привязанности, и что любви к маленькому брату будет достаточно, чтобы сделать его жизнь полноценной.

Клод всей душой привязался к Жеану. Это чувство было необычным для молодого человека, который прежде любил только книги. Сознывая, что на нем лежит ответственность за маленького ребенка, молодой человек стал относиться к жизни гораздо серьезнее. Он решил посвятить себя воспитанию брата, за которого отвечал перед Богом, и навсегда отказался от мыслей о собственных жене и детях.

Душевные качества Клода Фролло, его выдающиеся знания и безупречная репутация открыли для молодого человека блестящие перспективы. Юноше исполнилось всего двадцать лет, когда он, с особого разрешения папской курии, был назначен священником Собора Парижской Богоматери.

Благодаря своей образованности и строгой жизни, какую редко ведут в его возрасте, Клод Фролло скоро снискал уважение всего клира. Его слава, как ученого, распространилась и в народе, обернувшись, впрочем, репутацией чернокнижника.

Вид несчастного, уродливого, никому не нужного ребенка на паперти Собора Богоматери потряс молодого священника до глубины души. Если бы он сам умер от чумы, его любимого брата Жеана тоже могли бы бросить в ясли для подкидышей. Острое чувство жалости наполнило отца Клода, и он протянул к малышу руки.

Дома, вынув ребенка из мешка, священник обнаружил, что тот еще больший уродец, чем казался поначалу. На левом веке у ребенка росла огромная бородавка, голова глубоко ушла в плечи, позвоночник был изогнут дугой, грудная клетка выпячена, ноги искривлены. Несмотря

на это, подкидыш казался здоровым и сильным. Хотя трудно было понять, на каком языке он лепетал, его крик свидетельствовал о хорошем аппетите.

Отец Клод дал себе обет, из любви к брату, воспитать ребенка. Каковы бы ни были впоследствии прегрешения Жеана, их заранее искупал тот акт милосердия, который был совершен ради него.

Клод окрестил своего приемыша и назвал его Квазимодо.

16. Душа собора

Теперь, в 1482 году, Квазимодо был уже взрослым. Несколько лет назад, по милости своего приемного отца Клода Фролло, он стал звонарем Собора Парижской Богоматери.

С течением времени крепкие узы связали звонаря с собором. Навеки отрезанный от мира тяготевшим над ним двойным несчастьем – темным происхождением и физическим уродством, с детства замкнутый, бедняга привык не замечать ничего, что лежало по ту сторону священных стен, приютивших его под своей сенью.

Между Квазимодо и Собором Богоматери существовала какая-то таинственная связь. Когда маленький подкидыш с мучительными усилиями ходил на своих кривых ногах под мрачными сводами, он, с его человеческой головой и звериным туловищем, казался пресмыкающимся, похожим на каменные изваяния фантастических зверей, которые были высечены на стенах храма.

С возрастом Квазимодо стал еще больше похож на собор. Он словно врос в здание, превратился в одну из его составных частей. Выступавшие квадратные углы его туловища, казалось, были созданы для того, чтобы вкладываться в вогнутые углы здания.

Клод Фролло потратил много усилий и терпения, пока научил ребенка говорить. Квазимодо общаться не любил, слова выговаривал плохо – видимо, у него была как-то странно искривлена гортань. Язык его был беден, фразы выходили тяжелые и неуклюжие.

Однажды священник привел своего приемыша в звонницу собора. Когда тот случайно уцепился за веревку колокола и, повиснув, раскачал его, Клоду показалось, что у ребенка развязался язык и он заговорил. У Квазимодо отмечалась очевидная склонность к музыкальному звону; он полюбил колокола всей душой, и с этого дня все свободное время проводил возле них.

В четырнадцать лет Квазимодо стал звонарем Собора Парижской Богоматери, но тут новая беда отравила его счастье. От колокольного звона его барабанные перепонки лопнули, и Квазимодо оглох. Единственная дверь в большой мир, широко распахнутая перед ним природой, захлопнулась навек. Душа Квазимодо погрузилась в глубокий мрак. Глухой обрек себя на молчание, которое нарушал только наедине с самим собой.

Квазимодо очень смутно ощущал в себе слепые порывы души. Прежде чем достичь его сознания, внешние впечатления странным образом преломлялись. Его мозг представлял собою какую-то особую среду: все, что в него попадало, выходило оттуда искаженным. Это порождало множество неверных суждений и заблуждений и делало горбуна похожим то на сумасшедшего, то на идиота.

– В увечном теле и разум оскудевает, – пожимали плечами монахи.

Первым последствием такого умственного склада было то, что Квазимодо не мог здраво смотреть на вещи. Внешний мир казался ему гораздо более далеким, чем другим людям. Вторым последствием стал злобный нрав Квазимодо.

Он крайне неохотно вступал в контакт с людьми. Отверженному обществом горбуну вполне достаточно было собора, населенного мраморными статуями королей, святых, епископов, которые не издевались, а смотрели на него спокойным благожелательным взором. Чудовища, в изобилии изображенные на стенах огромной церкви, были друзьями Квазимодо и охраняли его от врагов. Он подолгу изливал перед ними свою душу. Сидя на корточках перед какой-нибудь статуей, Квазимодо мог часами беседовать с ней.

Присутствие этого странного существа наполняло безмолвное здание дыханием жизни. По словам суеверной толпы, Квазимодо излучал таинственную силу, оживлявшую камни Собора Богоматери и заставлявшую трепетать глубокие недра древнего храма.

Даже ночью часто видели, как он бродил по хрупкой кружевной балюстраде, венчавшей башни и окаймлявшей окружность свода над хорами собора. Как уверяли кумушки из соседних домов, храм принимал тогда фантастический, сверхъестественный вид: глаза и пасти чудовищ раскрывались, слышался лай каменных псов, шипение сказочных змей и каменных драконов, которые денно и нощно сторожили громадную церковь. В ночь под Рождество, когда большой колокол хрипел от усталости, призывая верующих на полуночное бдение, сумрачный фасад здания принимал фантастический вид. Тогда главные ворота можно было принять за пасть, пожирающую толпу, а окно-розетку над входом – за око, строго взирающее на нее.

Все это привнес в храм Квазимодо. В Египте его почитали бы за божество храма; в средние века его считали демоном; на самом деле он был душой собора.

17. Собака и ее господин

Впрочем, на свете существовал человек, на которого Квазимодо не простирал свою злобу и ненависть, которого он любил даже сильнее, чем собор, – его приемный отец, священник Клод Фролло.

Признательность Квазимодо была глубока, пламенна и безгранична. Хотя лицо его приемного отца часто бывало сумрачно и сурово, хотя обычно речь его была отрывиста, суха и повелительна, но сила любви к нему горбуна от этого не ослабевала. Священник имел в лице Квазимодо покорного раба, исполнительного слугу и бдительного сторожевого пса.

Когда звонарь оглох, между ним и Клодом Фролло установился таинственный язык знаков, понятный им одним. Священник был единственным человеком, с которым Квазимодо мог и хотел общаться. Убогий, неуклюжий, неповоротливый разум горбуна с мольбой и смирением взирал на ум возвышенный и проницательный, могучий и властный, и преклонялся перед ним, как перед Богом.

В 1482 году Квазимодо было около двадцати лет, Клоду Фролло – около тридцати шести. Первый возмужал, второй начал стареть.

Клод Фролло стал строгим, суровым, угрюмым священником, блюстителем душ. Он занимал положение архидьякона Жозасского и управлял ста семьюдесятью четырьмя сельскими приходами. Перед ним трепетали и маленькие певчие и седые монахи.

Клод Фролло по-прежнему был предан науке и младшему брату. Однако с течением времени какая-то горечь стала примешиваться к этим прежде приятным обязанностям его жизни. Маленький Жеан Фролло, прозванный Мельником в честь мельницы, на которой был вскормлен, развился вовсе не в том направлении, которое намечал для него Клод. Старший брат надеялся, что Жеан вырастет набожным, покорным, любящим науку человеком. К его огромному сожалению, младший брат являл собой полную противоположность идеалам священника.

Жеан был крайне ленив, ни к каким знаниям не стремился, работать не желал. К тому же его все глубже засасывала пучина распутства. Он водил компанию с такими же, как и он, беспутными школярами и уличными девками. Деньги, которые давал ему Клод, Жеан научился транжирить и пропивать. Он совершенно не слушался старшего брата, чей образ жизни вызывал у него неприкрытое отвращение, а советы священника встречал с ироничной усмешкой. Клоду это было тем более обидно, что Жеан обнаружил недюжинные способности, отличную память и цепкий ум, – качества, которые могли бы с возрастом обеспечить ему достаточно высокое положение.

Когда Жеан подрос, Клод доверил воспитание младшего брата колледжу Торши, где в занятиях и размышлениях сам провел юные годы. Для него стало большим огорчением, что имя Фролло, когда-то делавшее честь этому храму науки, теперь символизировало наглость, нежелание трудиться и разврат.

Разочаровавшись в своих человеческих привязанностях, Клод целиком отдался науке. Он становился все более сведущим ученым, все более суровым священнослужителем и все более мрачным человеком.

Особенной страстью архидьякон пылал к символическому порталу Собора Богоматери, своеобразной странице чернокнижной премудрости, изложенной в каменных письменах рукой епископа Гильома. Говорили, что архидьякон досконально исследовал исполинскую статую святого Христофора и загадочное изваяние, высившееся в те времена у главного портала.

Странная судьба выпала на долю Собора Богоматери – судьба быть любимым столь благоговейно, но совсем по-разному, двумя такими разными людьми, как Квазимодо и Клод Фролло. Первый – урод, темный, необразованный, покорный инстинкту, – любил собор за красоту, за стройность, за гармонию. Другой, одаренный пылким воображением и обширными знаниями,

любил в нем его внутреннее значение, скрытый смысл, любил связанную с ним легенду и символику, таящуюся за скульптурными украшениями фасада. Клод преклонялся перед загадкой, которой испокон веков был и остается для человеческого разума Собор Парижской Богоматери.

Единственная скандальная подробность, достоверно известная про отца Клода, касалась его научных изысканий. Архидьякон облюбовал в той башне собора, которая выходит на Гревскую площадь, крошечную потайную келью. Как гласила молва, никто, даже сам епископ, не смел проникнуть туда без его дозволения.

По ночам жители окрестных домов видели, как в слуховом окошечке с задней стороны башни через короткие и равномерные промежутки времени вспыхивал и потухал неровный, багровый свет. Он походил скорее на отсвет очага, чем светильника.

– Опять архидьякон орудует мехами! Там польхает сама преисподняя! – перешептывались обыватели.

– Конечно, сам факт наличия тайной каморки еще не есть неопровержимое доказательство колдовства, – вторили простолюдинам духовные лица, – но дыма без огня не бывает...

Как бы в ответ злым сплетням, отец Клод стал держаться еще строже, еще безупречнее, чем раньше. По своему положению и по складу характера он всегда сторонился женщин. Теперь же, казалось, он просто возненавидел их. Стоило шелковому женскому платью зашуршать возле него, как священник надвигал на глаза капюшон. В этом отношении он был ревностным блюстителем установленных правил. Когда в декабре 1481 года Анна, дочь короля, пожелала посетить монастырь Собора Богоматери, отец Клод решительно воспротивился этому визиту и добился его отмены. Напомнив епископу устав монастыря, архидьякон также отказался лично встретиться с принцессой.

Кроме того, люди стали замечать, что с некоторого времени усилилось отвращение архидьякона к цыганам. Отец Клод даже добился от епископа особого указа, по которому им запрещалось плясать и бить в бубен на соборной площади.

Затем отец Клод воспылил ненавистью к животным, считая их порождением дьявола и пособниками колдунов. Священник по собственному почину стал рыться в истлевших архивах консистории. Его интересовали процессы, где, по постановлению церковного суда, колдунов приговаривали к сожжению на костре или к виселице за наведение порчи на людей при помощи свиней, мышей и особенно коз.

Суровый архидьякон и его безобразный звонарь не пользовались любовью ни у почтенных горожан, ни у мелкого люда, жившего поблизости от собора. Когда отец Клод и Квазимодо шли по улице, обоим вслед неслись язвительные насмешки, а то и проклятия. Однако чаще всего оскорбления совершенно не задевали ни одного, ни второго. Квазимодо был глух, а Клод погружен в свои размышления. Все, что творилось в реальном мире, слабо интересовало их.

18. Чернокнижник

Известность отца Клода простиралась далеко за пределы собора. В потайной комнате священника временами навещали очень высокопоставленные и влиятельные особы, наслышанные о выдающихся успехах ученого в области алхимии.

Однажды отец Клод сидел у себя в келье у заваленного фолиантами стола. Поджав губы, он перелистывал новый том, который принес только сегодня. Это была единственная его книга, вышедшая из-под печатного станка. На лице священника отражалось то восхищение, то отчаяние.

Стук в дверь вывел архидьякона из задумчивости.

– Кто там? – крикнул ученый с приветливостью потревоженного голодного пса, которому мешают глотать кость.

– Ваш друг, Жак Куактье, – ответили из-за двери.

Архидьякон поднялся и отпер дверь.

Перед ним стоял Жак Куактье, королевский врач, человек лет пятидесяти, жесткое выражение лица которого несколько смягчалось вкрадчивым взглядом. Господина Куактье сопровождал незнакомец в черном. Священник жестом пригласил гостей войти.

– Как здоровье вашего царственного больного? – осведомился он у Куактье.

– Его величество скупно оплачивает своего врача, – вздохнул медик, искоса поглядывая на своего спутника.

– Вы находите, кум Куактье?

В этих словах человека в черном послышались удивление и упрек. Архидьякон прищурился, пристально посмотрел на гостя, а затем вопросительно повернулся к Куактье.

– Отец Клод, я привел одного из ваших братьев, – пояснил королевский медик. – Он непременно пожелал с вами познакомиться. . .

– Ваш спутник занимается наукой? – прервал его архидьякон, не сводя с незнакомца взгляда.

Из-под нависших бровей человека в черном сверкнули зоркие недоверчивые глаза. При неровном мерцании чадающего светильника отец Клод разглядел, что незнакомец – старик лет шестидесяти, среднего роста. Он казался больным и дряхлым. Под низко надвинутым капюшоном угадывались очертания широкого лба. Тонкий крючковатый нос придавал гостю сходство с хищной птицей.

Незнакомец сам ответил на вопрос отца Клода.

– Досточтимый учитель, – степенно проговорил он, – ваша слава дошла до меня, и я хочу просить у вас совета. Сам я – скромный провинциальный дворянин, меня зовут кум Туранжо.

– Странное имя для дворянина! – заметил архидьякон. – О чем же вы хотите со мной посоветоваться?

– Отец Клод! – сказал кум Туранжо. – Я очень серьезно болен. За вами утвердилась слава великого врачевателя, и я пришел просить у вас медицинского совета.

– Медицинского совета! – покачав головой, повторил священник. – Я не врач. Я никого не лечу. Кум Туранжо, раз уж вас так зовут, оглянитесь! Мой совет начертан на стене.

Гость прочел у себя над головой вырезанную на стене надпись: «Медицина – дочь сновидений. Не верь ей».

Жак Куактье наклонился к куму Туранжо.

– Я предупреждал вас, что это сумасшедший, – шепнул он так, чтобы архидьякон его не услышал. – Но вы во что бы то ни стало хотели его видеть!

– Значит вы не верите в лекарства, отец Клод? – не обращая внимания на Куактье, обратился к священнику кум Туранжо. – Может, и в заболевание вы не верите?

– Я не отрицаю ни аптеки, ни больного, – холод но продолжал отец Клод. – Я отрицаю лекаря.

– Стало быть, – неприязненным тоном сказал Куактье, – по-вашему, не верно, что подагра – это лишай, вошедший внутрь тела, что огнестрельную рану можно вылечить, приложив к ней жареную по левую мышь, что умелое переливание свежей крови возвращает старым венам молодость? Вы отрицаете, что дважды два – четыре и что при судорогах тело выгибается сначала вперед, а потом назад?

– О некоторых вещах я имею свое особое мнение, – спокойно ответил архидьякон.

Куактье побагровел от гнева.

– Вот что, милый мой Куактье, – вмешался кум Туранжо, – не будем горячиться. Не забывайте, что архидьякон наш друг. Скажите, отец Клод, но хоть в астрологию-то вы верите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.